

3

ТЕНЕНС

КРИЗИС ДЕТАНТА

**Американские ученые о политике
«разрядки международной напряженности»**

1982 г.

ДИКТАТУРЫ И ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ

Джин Курпатрик

Провал внешней политики администрации Картера сегодня очевиден каждому, за исключением, может быть, тех, кто эту политику проводил. Но даже и они время от времени вынуждены высказывать в частном порядке сомнения относительно политики, которая увенчалась передачей Соединенными Штатами Панамского канала важничавшему латиноамериканскому диктатору кастровского толка. За тридцать с небольшим месяцев президентства Джимми Картера произошли беспрецедентное наращивание советской военной мощи при застое в американских вооруженных силах и резкое расширение советского влияния в районе Африканского Рога, в Афганистане, Южной Африке и Карибском районе при ослаблении американских позиций в этих районах. Никогда еще США не прикладывали столько усилий, причем — абсолютно безуспешных, к приобретению и сохранению друзей в Третьем мире.

Мало того, в текущем (1979) году Соединенные Штаты потерпели еще два крупных провала стратегического значения — в Иране и в Никарагуа. В обеих странах картеровская администрация не только не смогла предотвратить нежелательные перевороты, но активно способствовала замене умеренных, дружественных Америке режимов менее дружественными, экстремистскими автократиями. Рано делать выводы о том, какими окажутся в конце концов режимы в Иране и Никарагуа, но, судя по поступающим сведениям, в обеих странах все складывается скорее к худшему, чем к лучшему. При этом, что сандинисты в Никарагуа оказались умелыми в консолидации власти, а аяятолла Хомейни в этом отношении бездарен, лидеры обеих революций демонстрируют нетерпимость и высокомерие, не предвещающие установления кон-

ституционных правительств. Эти лидеры ясно дают понять, что они и не ищут мирных решений.

Не исключено, что переговоры относительно СОЛТ могут стимулировать пересмотр американской стратегии и оборонительной политики, но, кажется, никто всерьез не озабочен ролью США в событиях в Иране и в Никарагуа, несмотря на явные указания на то, что нам предстоит столкнуться с аналогичными ситуациями и проблемами в Сальвадоре, Гватемале, Марокко, Заире. Тем не менее важнейшая задача американской внешней политики — разработка приемлемой с моральной и стратегической точек зрения и реалистической в политическом плане программы наших отношений с недемократическими государствами, которым угрожает просоветская подрывная деятельность. При отсутствии такой программы мы можем ожидать, что те же мотивы, которые руководили Вашингтоном в случаях с Ираном и Никарагуа, будут определять наши действия повсюду — от Кореи и до Мексики — и с теми же катастрофическими последствиями для стратегической позиции США. (То, что администрация не признала провалов своей политики в Иране и Никарагуа и, возможно, не считает их таковыми, — усложняет проблему, но не изменяет ее сути.)

Конечно, существовали значительные различия во взаимоотношениях США с каждой из этих стран в последние два-три десятилетия. Ирану, благодаря его нефтяным запасам, большой территории и близости к Советскому Союзу, придавалось большее экономическое и стратегическое значение, чем любой центрально-американской «республике». Шах, его семья и его окружение пользовались большим расположением Америки, чем президент Сомоза, его советники и его семья. Отношения с Шахом еще более укреплялись благодаря, быть может, нашему полному одобрению его явной решимости модернизировать Иран, не задумываясь о влиянии этой модернизации на традиционный социальный и культурный уклад страны (включая и те его особенности, на которые опирались авторитет и законность шахской власти). И, конечно, Шах был симпатичней и вообще выглядел куда элегантнее, чем Сомоза, его частная жизнь была более романтической и более интересной для прессы, более популярной и т.п. Поэтому о Шахе американцы знали больше, чем о не менее цепком Сомозе.

Но несмотря на то, что Иран был богат и щедро одарен нефтью, столь необходимой США и их союзникам, да еще имел такого симпатичного короля, а Никарагуа была бедным государством и его путь под длительным руководством не столь презентабельного президента был тернистым, было много схожего между этими двумя странами и нашими отношениями с ними. Правители этих сравнительно небольших народов не были избраны свободным голосованием, не считали себя обязанными отчитываться перед своими гражданами в своих действиях и не добивались их поддержки. Оба допускали ограниченную оппозицию, включая оппозиционные газеты и политические партии, и оба подвергались натиску со стороны радикальных воинствующих оппонентов, стремящихся к социальной и политической революции. Поэтому оба правителя время от времени вводили чрезвычайные законы, чтобы иметь возможность арестовывать, изолировать, высылать, а иногда, как говорят, и пытаться своих оппонентов. В поддержании общественного порядка оба опирались на полицейские силы, личный состав которых, как утверждалось, отличался излишней грубостью, пристрастностью и был наделен чрезмерной властью. Каждый правитель располагал тем, что американская пресса называла «личной армией», — армией, присягнувшей, так сказать, скорее правителю, чем «конституции», или «нации», или какому-либо другому неличному символу.

Короче говоря, и Сомоза, и Шах по всем признакам были традиционными правителями полутрадиционных обществ. Хотя Шах очень хотел создать сильное и современное в технологическом отношении государство, а Сомоза очень старался освоить современные сельскохозяйственные методы, ни тот, ни другой не стремились реформировать общество согласно некоей абстрактной идее в духе социальной справедливости или политической добродетели. Они не пытались внести значительные изменения в распределение богатств, привилегий или власти (хотя демократизация образования, сопровождавшая реформы в Иране, и привела к некоторому перераспределению капитала и власти в этой стране).

И Сомоза, и Шах долго находились у власти и обладали большим личным богатством (значительная часть которого, безусловно, шла из национального дохода), а также имели хорошие отношения с Соединенными Штатами. Шах и Сомоза

не только были антикоммунистами, они были по-настоящему дружелюбны по отношению к США. Они посылали своих сыновей, и не только сыновей, учиться в наши университеты, голосовали с нами в ООН и постоянно выступали в поддержку наших интересов и позиций, иногда даже в ущерб своим личным или политическим интересам. Посольства обоих правительств были весьма активны в вашингтонской светской жизни и часто посещались влиятельными американцами, занимавшими видное положение в дипломатической, военной и политической жизни США. И Шах, и Сомоза были всегда хорошо принимаемы в Вашингтоне и были дружны со многими американцами.

Несмотря на то, что правители обеих стран время от времени подвергались критике со стороны американских официальных лиц в связи с нарушениями гражданских прав и прав человека, тот факт, что население в Иране и Никарагуа только частично пользовалось правами, предоставляемыми гражданам в западных демократических странах, не мешал сменяющимся администрациям с согласия Конгресса оказывать этим правителям как военную, так и экономическую помощь. В случае обеих стран США оказывали им материальную и моральную поддержку, пока режимы не подверглись массовой атаке со стороны откровенно враждебных Соединенным Штатам сил.

Как только оппоненты, стремящиеся к разрушению существующего режима, пошли в атаку, все изменилось. Быстрый рост подрывной оппозиции и в Иране, и в Никарагуа вызвал ряд событий, очень схожих между собой в обеих странах, а наше поведение при этом напоминало наши действия в Китае перед падением Чан-Кай-Ши, на Кубе перед победой Кастро, в некоторые критические моменты Вьетнамской войны и, совсем недавно, в Анголе. В каждой из этих стран американские попытки навязать правительству, противостоящему яростной внутренней оппозиции, либерализацию и демократизацию не только терпели провал, но фактически способствовали приходу к власти новых режимов, при которых рядовые люди пользовались меньшей свободой и личной безопасностью, чем при прежних автократах. К тому же новые режимы оказывались враждебными по отношению к американским интересам и американской политике.

Вот достаточно знакомая схема. Против укоренившейся авторитарии, зарекомендовавшей себя другом США, восстают

бунтовщики, многие лидеры которых имеют давние связи с коммунистическим движением и вооружение которых, в основном, — советского, китайского или чешского происхождения. Присутствие «марксистов» старательно не замечается американскими официальными лицами и представителями прессы на том основании, что поддержка Соединенными Штатами диктатора не оставила повстанцам выбора и они были вынуждены искать помощи «в другом месте». Насилие распространяется, и американские представители вслух задумываются над жизнеспособностью режима, «лишенного поддержки собственного народа». Резко критикуется запрещение оппозиционных партий и обсуждаются случаи нарушения гражданских прав. Либеральные журналисты подвергают сомнению нравственность продолжающейся поддержки «правой диктатуры» и приводят доказательства несомненной умеренности некоторых вождей повстанцев, которые-де «надеются», что США вспомнят свое собственное революционное происхождение. Просьбы осажденного правительства о помощи остаются без внимания, и все громче звучат голоса, призывающие установить отношения с лидерами повстанцев, «пока не поздно». Президент приостанавливает американскую помощь и назначает специального эmissара, который в свою очередь подтверждает ухудшение позиции правительства и его неспособность контролировать ситуацию и рекомендует различные меры «укрепления» и «либерализации» режима, которые все без исключения ведут к подрыву этого режима.

Эти рекомендации даются в обстановке нарастающих протестов, требующих прекращения американского вмешательства на том основании, что наша причастность еще более утвердит нас в роли агентов империализма, расизма и реакции; вмешательство несовместимо с борьбой за права человека, оно отрывает нас от «сил демократии» и создает опасность для Соединенных Штатов вновь оказаться на стороне «исторически обреченных сил». Этому хору подпевают возвращающиеся миссионеры и «умеренные» повстанцы.

По мере ухудшения ситуации президент заверяет мир, что США желают только одного, а именно — чтобы «народ сам выбрал удобную ему форму правления». Президент блокирует доставку правительству оружия, и начинаются переговоры с целью создать коалицию «на широкой основе», возглавляемую «умеренным» критиком режима, способным найти «поли-

тическое» решение конфликта. Если правитель отказывается подчиниться американским требованиям и добровольно уйти со сцены, он будет опрокинут своими противниками, покровители которых будут продолжать поставлять современное оружие и посылать советников повстанцам в то самое время, когда США прекратят военные поставки правительству. Если правитель окажется настолько деморализованным, что согласится уступить власть без борьбы, на его место будет поставлен кто-нибудь «умеренный» по американскому выбору. Только после того, как мятежники откажутся от предложенного политического решения и в стране наступит анархия, будет замечено, что новый глава правительства лишен сколь угодно значительной поддержки, не имеет опыта правления и не наделен талантом вождя. Тогда военные, не связанные более обязательством верности по отношению к главе государства, сместят этого нерешительного «умеренного» и заменят его фанатиком по собственному выбору.

И в том, и в другом случае США будут действовать, исходя из ошибочного понимания ситуации, активно способствуя свержению прежних друзей и союзников и установлению правительства, враждебного американским интересам и американской внешней политике. В лучшем случае мы теряем доступ к дружественной территории. В худшем — Советский Союз приобретает новую базу. Так или иначе, наши друзья отметят, что на США нельзя рассчитывать в тяжелые времена, а наши враги поймут, что американская поддержка не препятствует «победному шествию истории».

* * *

Ни один конкретный кризис не развивается точно в соответствии с описанной выше схемой. Всегда существуют вариации на эту тему. В Иране, например, администрация Картера и сам президент оказывали правителю более длительную поддержку, хотя в декабре 1978 года президент и признавал, что не знает, сможет ли Шах удержаться, добавляя, что США не пойдут на прямое вмешательство. США никогда открыто не требовали отставки Шаха. Тем не менее специальный посланник президента Джордж Болл «пришел, как сообщают, к заключению, что Шах не может рассчитывать на сохранение абсолютной власти и должен теперь вступить в переговоры с умеренными кругами оппозиции...» и «обсуждал различные

альтернативы, которые бы эффективно устранили Шаха от абсолютной власти» («Вашингтон Пост», 15 декабря 1978 г.). Более того, не приходится сомневаться, что США содействовали отъезду Шаха и помогли организовать передачу власти Бахтияру. В случае Ирана обязательство администрации Картера соблюсти невмешательство оказалось сильнее стратегических соображений или соображений национального престижа. То, что весь мир расценивал как горькое американское поражение, правительство США рассматривало как проблему, которую должны разрешить сами иранцы. «Мы лично предпочитаем, чтобы Шах продолжал играть ведущую роль в правительстве, — заявил Картер, — однако решить это должен народ Ирана».

События в Никарагуа также отклонились от описанного выше сценария в том, что, с одной стороны, яснее проявилась роль Кубы и Советского Союза, с другой — представители США более активно и открыто действовали против Сомозы. После того как режим Сомозы нанес поражение первой волне сандинистского насилия, США прекратили помощь Никарагуа, ввели экономические санкции и предприняли ряд мер, подорвавших статус и репутацию правительства Никарагуа во внутренней и внешней политике. В период между убийством корреспондента Эй-Би-Си Билла Стюарта солдатом Национальной Гвардии в начале июня и победой сандинистов в конце июля Государственный Департамент США назначил нового американского посла, который отказался вручить верительные грамоты Сомозе, продолжавшему оставаться главой государства, и призвал к замене существующего правительства «временным, которое будет опираться на широкую поддержку и будет включать представителей сандинистских повстанцев». Помощник Государственного секретаря Вайрон Вэки заверил американцев, что «никарагуанцы и наши демократические друзья в Латинской Америке не желают превращения Никарагуа во вторую Кубу», хотя Государственный Департамент знал, что верхушка сандинистских лидеров имела тесные личные связи и находилась в постоянном контакте с Гаваной, а именно — представитель кубинской секретной службы Джулиан Лопез часто посещал штаб сандинистов, а в сандинистских отрядах находились кубинские военные советники.

В стиле, нехарактерном для администрации Картера, готовой, кажется, переговариваться с кем угодно, о чем угодно и

где угодно, правительство США заняло непривычно бескомпромиссную позицию по отношению к Сомозе. «Любое разрешение кризиса, — заявил Вэки, — должно начаться с устранения от власти Сомозы и ликвидации его режима. Никакие переговоры, соглашения или компромиссы с правительством Сомозы более невозможны. Началом должен стать резкий разрыв с прошлым». Очень сильно постаравшись, мы не только полностью прекратили продажу оружия правительству Никарагуа, но и принудили Израиль, Гватемалу и другие страны поступить так же, — и все это во имя достижения «демократических» результатов. Наконец, когда сандинистские руководители установили контроль над вооружениями и информацией, запретили оппозицию и отправились на Кубу, президент Картер предостерег нас против приписывания этой «эволюционной перемены» «кубинским махинациям» и заверил мир, что США желают только одного, а именно — «дать возможность народу Никарагуа выбрать угодную ему форму правления».

Но, несмотря на все эти различия, к кризисам и в Иране, и в Никарагуа администрация Картера подошла с определенными общими предпосылками, каждая из которых способствовала победе диктатур более репрессивных, чем те, которые они сменили. Вот эти предпосылки. Во-первых, уверенность в том, что в момент кризиса существовала демократическая альтернатива существующему правительству. Во-вторых, убежденность в том, что сохранение статус-кво невозможно. В-третьих, уверенность в том, что любая перемена, включая установление правительства доморощенных марксистов-революционеров, лучше, чем сохранение существующего правительства. Каждое из этих убеждений в целом разделялось (и разделяется) широкими либеральными кругами. И ни одно из них не выдерживает серьезной критики.

* * *

Хотя большинство правительств в мире всегда были и есть автократии того или иного типа, ни одна другая идея не сидит в сознании образованных американцев крепче, чем вера в то, что правительства можно делать демократическими в любое время, в любом месте, при любых обстоятельствах. Этот взгляд опровергается громадным количеством доказательств, основанных на опыте десятков стран, пытавшихся с большим

или меньшим (обычно с меньшим) успехом перейти от автократической к демократической форме правления. Мудрейшие политические мыслители нынешнего и прошлого столетий согласны в том, что установление и сохранение демократических институтов встречает особые трудности, так как демократическая форма правления предъявляет серьезные требования ко всем группам населения и зависит от всего комплекса социальных, культурных и экономических условий.

Два или три десятилетия тому назад, когда марксизм пользовался наибольшим престижем среди американских интеллектуалов, социологи подчеркивали и выделяли экономические предпосылки как условие установления демократии. Демократия, утверждали они, может функционировать в сравнительно богатых обществах с развитой экономикой, значительным средним классом и грамотным населением, но установиться она должна более или менее автоматически, когда такие условия возобладают. Сегодня такой взгляд представляется чрезвычайно упрощенным. Хотя, безусловно, неплохо иметь экономику, достаточно мощную, чтобы обеспечить приличный уровень благосостояния для всех, и достаточно открытую, чтобы обеспечить мобильность и стимулировать развитие, но плюрализм общества и соответствующий тип политической культуры — и время — являются еще более необходимыми условиями.

В своем эссе «Представительное правление» Джон Стюарт Милль определяет три основные условия, над которыми администрации Картера стоило бы поразмыслить: «Первое: оно (представительное правление) должно быть добровольно принято народом; второе: у народа должны быть желание и возможности делать все необходимое для сохранения этого правления; третье: у народа должны быть желание и возможности нести определенные обязанности и выполнять функции, возлагаемые на него такой формой правления».

Обязанности и функции при таком образе правления предъявляют серьезные требования к руководителям и к гражданам — требования активности и сдержанности, согласия и компромисса, Нет необходимости всем гражданам проявлять жадный интерес к политике или быть хорошо информированными в общественных делах, хотя и нужна более широкая, чем в автократиях, заинтересованность и активность. Но совершенно необходимо, чтобы значительное число граждан осознавали себя участниками процесса принятия решений, а

не просто подданными, связанными законами общества. Более того, лидеры во всех важных секторах общества должны быть согласны добиваться власти только при помощи законных средств, должны тщательно избегать (по крайней мере в принципе) насилия, хищений и обмана и должны, когда это необходимо, уметь признавать поражение. Они должны быть также изобретательны в нахождении и выработке общей основы для несходных точек зрения и интересов и, соответственно, компромиссов по всем основным вопросам, исключая фундаментальные.

В дополнение к соответствующей политической культуре демократическая форма правления нуждается в институтах, достаточно сильных, чтобы направлять и сдерживать конфликты. Необходимы неправительственные общественные институты для формулирования и выражения различных интересов и мнений, существующих в обществе. В противном случае официальные правительственные институты не смогут перевести народные пожелания в форму общественной политики.

В сравнительно немногих местах, где существуют демократические правительства, они утвердились постепенно, после продолжительного накопления опыта в условиях более ограниченных форм представительного правления, когда лидеры с трудом привыкали проявлять терпимость к инакомыслию и оппозиции; оппоненты свыкались с мыслью, что можно одерживать победы над правительством, не уничтожая его, и народ узнавал о влиянии правительства на его жизнь и о своих собственных возможностях оказывать влияние на правительство. Десятилетия, если не столетия, требуются для приобретения народом необходимой дисциплины и привычек. Англии, чтобы проделать путь от Хартии вольностей до Закона о престолонаследии 1701 г. и до Реформ избирательной системы 1832, 1867 и 1885 гг., потребовалось семь столетий. Американская история также не дает много оснований думать, что демократия приходит легко, быстро, по щучьему велению. Война за независимость, неудачная конституция, гражданская война, длительный процесс введения избирательного права отмечают наше продвижение к конституционной демократической форме правления. Путь Франции был еще труднее. Террор, диктатура, монархия, нестабильность и некомпетентность последовали после революции, сулившей

тысячелетнее братство. Только в XX столетии демократические принципы были, наконец, широко приняты во Франции и только после второй мировой войны принципы порядка и демократии, участия народа в правлении и его независимости наконец были объединены в институтах, достаточно сильных, чтобы соединить в себе противоборствующие течения общественного мнения.

В то время как не существует примера демократизации революционного «социалистического» или коммунистического общества, автократия правого толка иногда эволюционирует в демократию, если на то есть время, благоприятные экономические, социальные и политические обстоятельства, одаренные лидеры и сильное, идущее снизу, мнение в пользу представительной формы правления. Нечто подобное происходит на Иберийском полуострове, и сделаны первые шаги в этом направлении в Бразилии. Нечто в этом же роде могло возникнуть в Иране и в Никарагуа, если бы противостояние правительству и участие в нем развивались более постепенно.

Но, очевидно, творцы современной американской внешней политики имеют туманное представление о том, как можно содействовать либерализации автократии. Ни в Иране, ни в Никарагуа они не поняли, что наиболее вероятным результатом попытки замены законного правителя одним из его умеренных оппонентов или «широкой коалицией» окажется подрыв основ существующего режима без какого-либо продвижения страны к демократии. А ведь такой результат был вполне предсказуем. Власть в традиционных автократиях осуществляется через посредство личных отношений: от правителя к его ближайшим помощникам (родственники, члены семьи, личные друзья) и от них к людям, с которыми эти помощники находятся опять-таки в личных отношениях. Ткань власти очень быстро расплзается, когда власть и положение человека на самом верху подрывается или уничтожается. Чем дольше автократ удерживает власть и чем более всепроникающе его влияние, тем в большей степени зависят от него государственные институты. Без него организованная жизнь общества обрушится, подобно арке, из которой выбит краеугольный камень. Особенности, которые делали иранскую армию преданной Шаху или национальную гвардию — Сомозе, очень типичны для такого рода отношений — личных, иерархических, не передающихся с должностью, которые лежат в основе традиционной автократии. Быстрота, с кото-

лежат в основе традиционной автократии. Быстрота, с которой после устранения автократа разваливаются армии, падают кабинеты и рассыпаются социальные структуры, часто поражает американских руководителей и журналистов, привыкших к общественным институтам, основанным на универсалистских нормах, а не на личных отношениях.

* * *

Неспособность понять описанные выше отношения является одной из причин провала политики США при нынешней и предыдущей администрациях. Но есть и другие причины. В Иране и Никарагуа (как перед этим во Вьетнаме, на Кубе, в Китае) Вашингтон переоценил политическую многоликость оппозиции, особенно удельный вес в ней «умеренных» и «демократов», недооценил силу и непримиримость радикалов и не понял характера и степени американского влияния как на правительство, так и на оппозицию.

Путаница в понимании характера оппозиции, в особенности ее непримиримости и властолюбия, как правило, ведет к недооценке той силы, которая нужна для противостояния ей. Ни в Иране, ни в Никарагуа США не смогли понять, насколько трудно правительству поддерживать порядок в обществе в условиях конфронтации с экстремистской идеологической оппозицией, хотя о наличии такого рода оппозиционных групп было хорошо известно. В отчете Государственного Департамента по правам человека за 1977 год сказано, что в Иране имеется

небольшое число правых экстремистов и левых террористов, действующих внутри страны. Есть доказательства того, что они получают значительную поддержку из-за границы... /и/ что на них лежит ответственность за убийство иранских государственных деятелей и американцев...

Тот же доклад описывает противников Сомозы следующим образом:

Партизанская организация, известная как Сандинистский национальный фронт освобождения, стремится к насильственному свержению правительства и пользуется ограниченной поддержкой Кубы. Фронт провел операцию в Манагуа в декабре 1974 года, убив четырех человек, захватив несколь-

ких официальных лиц заложниками... с тех пор продолжает выступления против гражданских властей в отдельных районах.

В 1978 году в отчете Государственного Департамента сообщалось, что после отмены Сомозой осадного положения подрывная насильническая деятельность сандинистов продолжалась.

Когда американские политики и значительная часть либеральной прессы воспринимают мятеж как доказательство широкого народного недовольства и стремления к демократии — катастрофа неизбежна. Потому что если признать, что общественные беспорядки являются отражением народного стремления к демократии, то из этого следует, что «либерализованное» правительство будет более приемлемо для «общественного мнения».

Таким образом, в надежде укрепить данное правительство, политические деятели США, совершая ошибку за ошибкой, навязывают ему меры, которые почти наверняка ослабят власть этого правительства. Поспешные усилия с целью навязать сложную и непривычную политическую практику обществам, не имеющим соответствующей политической культуры, традиций и социальной структуры, не только не приводят к желаемым результатам, но, будучи предприняты в момент, когда традиционный режим находится под угрозой, они играют на руку мятежникам.

Считается, что Вьетнам научил нас, что Соединенные Штаты не могут быть мировым полицейским; он должен был бы научить нас и тому, что опасно пытаться быть мировой повивальной бабкой демократии, когда родам суждено наступить в условиях партизанской войны.

* * *

Если в действиях администрации Картера в Иране и в Никарагуа нашло отражение распространенное ошибочное предположение, что можно легко найти и навязать существующей автократии демократическую альтернативу, то в них также нашло отражение не менее распространенное и равно порочное убеждение, что перемены сами по себе в таких автократиях являются неизбежными, желательными и служат американским интересам. Именно это убеждение побуждало администрацию Картера активно участвовать в свержении неком-

мунистических автократий, оставаясь в то же время пассивной перед лицом коммунистической экспансии.

Когда администрация Картера пришла в Белый Дом, много писалось о том, что президент собрал вокруг себя группу людей, разделяющих идею нового подхода к внешней политике и новую концепцию национальных интересов. Принципиальных элементов этого нового подхода, говорили, будет два: убеждение, что с холодной войной покончено и что, коль скоро это так, США должны выдвигать на первое место проблемы Север-Юг и помогать слаборазвитым странам решить свою судьбу.

Перемены, связанные с этим новым подходом, более серьезные, чем это может показаться на первый взгляд. Как это ни странно, внешняя политика администрации Картера опирается на относительно четко сформулированную философию истории, которая включает, подобно всем философиям истории, теорию социальных изменений или, как это теперь принято называть, доктрину модернизации. Как и другие философии истории, возникшие на Западе после XVIII столетия, доктрина администрации Картера пророчит прогресс (в форме модернизации общества) со счастливым концом (в форме мирового сообщества развитых независимых стран).

Подход этой администрации к иностранным делам был предвещен в книге Збигнева Бжезинского «Между эпохами» о роли США в «технотронную эру», написанной в 1970 году. Этой книгой Бжезинский доказал, что он обладает воображением, необходимым, чтобы заглянуть за пределы холодной войны в прекрасный мир глобальной политики и взаимозависимости. Для этого нового мира вырабатывался, как говорили, новый подход, который Бжезинский определил как «рациональный гуманизм». При этом новом подходе «озабоченность национальным превосходством» уступит дорогу «мировым» перспективам и международные проблемы будут рассматриваться не как «политические конфронтации», а скорее как «человеческие проблемы». Традиционный интеллектуальный подход к иностранным делам надо будет отбросить:

Сегодня старый традиционный подход к международной политике ... с его сферами влияния, военными союзами между национальными государствами, фикцией суверенитета, идео-

*логическими конфликтами, идущими от кризиса XIX века, попросту более несовместим с реальностью.**

Только «задержанное развитие» Советского Союза, «архаического религиозного общества, которое переживает современность не нормативно, а скорее экзистенциально», препятствовало широкому признанию того факта, что конец идеологии уже наступил. Для США Бжезинский рекомендовал «побольше терпения», более беспристрастный подход к мировым революционным процессам и меньшую озабоченность советской угрозой. Вместо того, чтобы заниматься древними дипломатическими играми, мы должны сделать «усилие, направленное на обуздание мировых тенденций к хаосу», поддерживая одновременно процессы, ведущие к переменам, которые направят мир к «сообществу развитых стран».

Главная забота Бжезинского, как и внешней политики администрации Картера, — модернизация Третьего мира. С самого начала администрация заявила о своей особенной активной заинтересованности проблемами так называемого Третьего мира. Однако вместо того, чтобы рассматривать международные события с точки зрения американских национальных интересов, как они исторически сложились, творцы американской политики рассматривали их с точки зрения современной версии той самой идеи прогресса, которая поразила западное воображение еще во времена Просвещения.

В ее современной форме концепция модернизации означает нечто большее, чем просто индустриализацию и «политическое развитие» (что бы это ни значило). Эта концепция используется для обозначения «...стадий, через которые прохо-

* Относительно Латинской Америки Бжезинский замечает: «Латиноамериканский национализм, все более и более радикальный по мере расширения его социальной базы, будет все более враждебным по отношению к Соединенным Штатам, если США не переменят достаточно быстро свою позицию. Соответственно, было бы проявлением мудрости со стороны США двинуться решительно по направлению отказа от доктрины Монро и допустить, что в новую мировую эпоху географическая близость не является более решающим фактором при выработке политики. Соединенным Штатам следует поставить панамериканские отношения в один ряд с нашими отношениями с остальным миром, ограничившись подчеркиванием культурно-политической близости (как мы это делаем в случае Западной Европы) и социально-экономическими обязательствами (как мы это делаем в случае слаборазвитых стран). И это самое лучшее, что мы можем сделать для межамериканских отношений.»

дит традиционное дотехнологическое общество при переходе в новую форму, для которой характерны машинная технология, рационалистический и секулярный характер мышления и высоко дифференцированная социальная структура». Кондорсе, Конт, Гегель, Маркс, Вебер — все внесли свою лепту в этот взгляд на историю, как на развитие идеи модернизации.

Главные положения концепции модернизации были разъяснены Сэмюелем Хантингтоном (который, хотя и был одно время в Совете национальной безопасности, не являлся творцом политики администрации). Парадигма модернизации, заявлял Хантингтон, выдвигает обязательным условием непрекращающийся процесс изменений — сложный, так как включает все измерения человеческой жизни в обществе; системный, потому что его элементы взаимодействуют в предсказуемых, закономерных направлениях; глобальный, потому что никакое общество не может миновать перехода от традиционных форм к современности; продолжительный, потому что для модернизации экономики, социальной структуры и культуры требуется время; фазовый, потому что каждое общество должно пройти через аналогичные стадии; всепроникающий, потому что этот процесс имеет тенденцию включения обществ в процесс конвергенции и взаимозависимости; необратимый, потому что направления перемен «заданы» в соотношении элементов процесса; прогрессивный в том смысле, что процесс является желательным и в конечном итоге обеспечивает значительные блага вступившим на путь модернизации народам.

* * *

Хотя парадигма модернизации иногда используется как удобный и впечатляющий прием в общественных науках, она тем не менее стала объектом критики, ставящей под сомнение все ее главные послышки. Ее недостатки в качестве аналитического инструмента, однако, бледнеют в сравнении с ее неадекватностью в качестве основы для планирования внешней политики. Здесь ее суть сводится к утверждению того, что события являются проявлением глубоких исторических сил, не поддающихся контролю, и что самое большее, на что способно правительство, это быть «повивальной бабкой» исто-

рии, способствуя развитию событий в том направлении, в каком они уже развиваются.

Эта перспектива современного развития является оптимистической в том смысле, что предсказывает непрерывный прогресс человечества; детерминистской в том смысле, что представляет события как обусловленные процессами, на которые личность или политика могут иметь очень незначительное влияние; моралистической в том смысле, что и история в целом, и политика США видятся в их стремлении к нравственным целям; космополитичной в том смысле, что подходит к мировым процессам не с точки зрения национальных интересов Америки, а с точки зрения вообще модернизации и «цели» истории. Модернизация рассматривается как воплощение революции и морали, а политика США — как воплощение всей этой триады: модернизации, революции, морали. Мысль, что не люди, а скорее «силы» формируют события, возникает всякий раз, когда представитель администрации формулирует или разъясняет политику страны. Президент, к примеру, заверил нас в феврале этого года:

Революция в Иране является следствием глубоких социальных, политических, религиозных и экономических причин, коренящихся в самой истории Ирана.

Относительно Азии он заявил:

В настоящее время беспорядки или перемены происходят в различных странах всего района вокруг Индийского океана. Некоторые беспорядки, как, например, в Индокитае, являются продуктом старинной вражды, борьбы между соперничающими группировками. Стабильность в некоторых других странах поколеблена процессом модернизации, стремлением к национальной значительности или желанием воплотить законные человеческие надежды и чаяния.

Гарольд Саундерс, помощник Государственного секретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии, комментируя «нестабильность» в Иране и в районе Африканского Рога, заявляет:

Мы, конечно, осознаем, что во всем районе Западной Азии и Северо-Восточной Африки происходят фундаментальные перемены — модернизация экономики, социальные изменения, возрождение религии и национализма, требования широкого

народного участия в политических процессах. Эти перемены вызываются к жизни силами, развивающимися внутри каждой страны.

Или вот Энтони Лейк, руководитель группы политического планирования Государственного Департамента, говорит о Южной Африке:

В Южной Африке происходят перемены. Благополучие народов в этом районе и американские интересы зависят от того, каким образом произойдут эти перемены. Вопрос в том, произойдут ли они мирным путем.

Бжезинский вносит еще большую ясность. Выступая в качестве председателя Совета национальной безопасности, он заверяет нас, что вспыхивающие в Азии и Африке схватки за власть являются лишь случайными эпизодами на пути продвижения к модернизации:

...все развивающиеся страны на дуге от Северо-Восточной Азии до Южной Африки продолжают поиски жизнеспособных форм правления, пригодных для осуществления процессов модернизации.

Совершенно неважно, что вторжения, перевороты, гражданские войны и менее значительные политические стычки, которые можно увидеть повсюду, совсем не выглядят как всемирное стремление срочно найти кого-нибудь, кто бы сумел управлять модернизацией. Ни Бжезинского, ни кого-либо другого, похоже, не беспокоит тот факт, что участники политических движений на этой дуге от Северо-Восточной Азии до Южной Африки и не догадываются, что они ведут «поиски жизнеспособных форм правления, пригодных для осуществления процессов модернизации». Для парадигмы модернизации мотивы и намерения реальных людей значат не больше, чем для марксистского понимания истории. Со столь абстрактной точки зрения не люди, а «силы» имеют значение.

А как быть, если «глубокие исторические силы», действующие в таких разных местах, как Иран, Африканский Рог, Юго-Восточная Азия, Центральная Америка и Организация Объединенных Наций, очень смахивают на русских или кубинцев? Оставив позади то, что президент называет «нашей

чрезмерной боязнью коммунизма», которую он связывает с холодной войной, мы должны, как нам разъяснили, уметь теперь различать между советскими и кубинскими «махинациями», которые только и существуют, что в головах рыцарей холодной войны и прочих виновников упрощенного понимания мира, и эволюционными переменами, которые одни только и имеют место в мире. Что может президент США против таких сложных, безжалостных и безликих процессов *поделаться?*

«Немного», — повторяют вновь и вновь президент и его главные помощники. Поскольку события не вызываются к жизни волей людей, люди не могут их остановить или изменить. Бжезинский, к примеру, заявил: «Мы сознаем, что мир меняется под влиянием сил, которые неподконтрольны никакому правительству». И Сайрус Вэнс предупреждал: «Подобно тому, как мы бессильны остановить воды, мы не можем преградить путь переменам».

* * *

Детерминистский и аполитичный в своей основе взгляд администрации Картера на современные события не стимулирует активных ответных действий со стороны Америки и поощряет пассивность. Неспособность Америки влиять на события в Иране стала постоянной темой президента:

Те, кто утверждает, что мы должны или могли бы путем прямого вмешательства помешать /революции в Иране/, ошибаются относительно иранской действительности... Мы способствуем в пределах наших ограниченных возможностей общественной поддержке правительства Бахтияра... У нас нет способа определить, как долго Шах будет находиться вне Ирана. Это решат будущие события и его собственные желания... Никому не дано предвидеть все будущие политические события... Даже если бы мы были в состоянии предсказывать события, которые произойдут в Иране или других странах, то и в этом случае совершенно очевидно, что наши возможности повлиять на них очень ограничены. (Выделения автора статьи.)

Такой же вывод сделал Вэнс:

В Иране наша политика на протяжении текущего кризиса обновлялась на том факте, что только иранцы могут разре-

шить стоящие в настоящее время перед ними фундаментальные политические проблемы.

Там, куда в былые времена американский президент мог послать морских пехотинцев, чтобы обеспечить защиту стратегических интересов Америки, нет больше места силе в мире прогресса и самоопределения. Силой, объяснил наш президент в своей речи в университете Нотр Дам, ничего не добьешься. Такой урок он извлек из Вьетнама. Решение проблемы с применением силы — «поверхностное» решение. Относительно Ирана он сказал:

Безусловно, у нас нет желания или возможности вводить значительные военные силы в Иран или любую другую страну для разрешения внутренних политических проблем. Мы не собираемся делать это ни в какой стране. Мы однажды попробовали это во Вьетнаме, ничего не получилось, как вам хорошо известно.

Случай с Ираном не был исключением. В Никарагуа другой климат и другой язык, но «исторические силы» и действия Америки — те же. Военное вмешательство было вне обсуждения. Помощник Государственного секретаря Вайрон Вэки описал как «нечто немислимое» использование «военной силы США для вмешательства во внутренние дела другой американской республики». Вэнс дал аналогичные заверения относительно Африки, заявив, что мы не будем там брать пример с кубинцев и русских.

* * *

Что же остается на долю внешней политики в таких условиях? Понять происходящие перемены и затем, подобно марксистам, «идти в ногу» с историей, надеясь при этом по пути внести свою лепту в стабилизацию положения. Именно это, согласно заверениям представителей администрации, мы и делаем. Администрация Картера определила национальные интересы США в Третьем мире как совпадающие с предполагаемыми целями процесса модернизации. Вэнс изложил это с характерной откровенностью в недавнем заявлении, когда он объяснил, что политика США в отношении стран Третьего мира «основана на убеждении, что, поддерживая усилия этих стран в развитии их экономики и благосостояния и сохранении политической независимости, мы наилучшим образом

служим нашим собственным интересам». Наше «обязательство поддерживать конструктивные перемены во всем мире» (слова Бжезинского) распространяется на любую возможную ситуацию.

Но здесь возникает загвоздка. Ситуации по большей части возникают такие, при которых некоммунистическая автократия оказывается под давлением со стороны революционных партизан. Так как Москва представляет сегодня агрессивную и экспансионистскую силу, чаще всего ставящими под сомнение статус-кво оказываются мятежники, вдохновленные и вооруженные Советским Союзом. Американская абстрактная приверженность «переменам» кончается нашим молчаливым примирением с советскими клиентами и безответственными экстремистами типа аятоллы Хомейни или даже Ясира Арафата.

Способствование «переменам» со стороны администрации Картера еще ни разу не привело к дестабилизации в какой-либо коммунистической стране. Принципы самоопределения и невмешательства, таким образом, прилагаются избирательно. Похоже, что мы принимаем статус-кво в коммунистических странах (во имя «многообразия» и национальной автономии), но не в странах, управляемых «правыми» диктаторами или белыми олигархиями. Относительно Китая Бжезинский замечает: «Мы сознаем, что у нас и у Китайской Народной Республики разные идеологии и экономические и политические системы... У нас нет ни надежды, ни желания, чтобы интенсивные контакты с нами преобразовали эту страну по американскому образцу. Мы принимаем наши различия». По поводу Юго-Восточной Азии президент заметил в феврале:

Мы ставим своей целью укрепление мира и вывод иностранных войск и не хотим оказаться вовлеченными в конфликт между азиатскими странами. И вообще мы заинтересованы в оздоровлении и развитии независимых обществ, необязательно скроенных абсолютно по образцу Соединенных Штатов, но скорее отвечающих надеждам, нуждам и пожеланиям народов этих стран.

Однако позиция администрации резко меняется, когда речь заходит о Южной Африке. Например, Энтони Лейк заявил в конце 1978 года:

Мы указали Южной Африке, что если она не добьется значительного прогресса в области расового равенства, то ее международное положение, в частности отношения с США, будет ухудшаться.

На протяжении лет мы старались при помощи ряда прогрессивных мероприятий продемонстрировать нежелание Соединенных Штатов иметь что-либо общее с продолжающейся практикой апартеида.

Относительно Никарагуа Ходдинг Картер 3-й заявил в феврал 1979 года:

Нежелание правительства Никарагуа принять коллективное предложение Организации американских государств, вытекающие из этого отказа перспективы обновления и поляризации сил и положение в области прав человека в Никарагуа ... неизбежно оказывают влияние на наши отношения с этим правительством...

А вот комментарии Картера по поводу латиноамериканских автократий:

Мое правительство не откажется от защиты прав человека, включая экономические и социальные права, любыми доступными нам средствами. Мы предпочитаем положительные действия, но если в какой-то стране продолжаются серьезные нарушения прав человека, мы будем по-прежнему демонстрировать, что за вопиющее неуважение международных норм придется платить.

* * *

Происходит нечто очень странное. Как администрация, которая жаждет предоставить народам самостоятельно решить их собственную судьбу, оказывается замешанной в действиях, определенно направленных на реформы в Южной Африке, Заире, Никарагуа, Сальвадоре и других странах? Как может администрация, взявшая на себя обязательства невмешательства в Камбодже и Вьетнаме, заявлять, что она «не откажется» от исправления пороков в Южной Африке? Что можно ожидать от администрации, которая отождествляет интересы США с экономической модернизацией и политической независимостью других стран и в то же время необдуманно ставит под угрозу независимость Тайваня, успехи ко-

того в экономической модернизации и равномерном распределении благ не имеют себе равных в Азии? Контраст такой же разительный, как между чрезвычайной поспешностью, с которой администрация признала диктатуру в Никарагуа, и ее отказом признавать законно избранное правительство в Зимбабве (Родезии) или ее отказом продолжать любое присутствие в Зимбабве (Родезии) и укомплектованием Информационной конторы США на Кубе. Здесь не просто идеология и двойной стандарт; это идеология, которая не соотносится с реальностью и не объясняет ее, и это двойной стандарт, который разом приводит администрацию в противоречие с ее собственными принципами.

Непоследовательность — знакомое явление в политической жизни большинства обществ. Обычно, тем не менее, правительства прибегают к лицемерию, когда их принципы вступают в противоречие с национальными интересами. Что делает непоследовательность администрации Картера примечательной, это, во-первых, морализм, который заставляет ее быть особенно чувствительной к обвинениям в лицемерии, и, во-вторых, пристрастие этой администрации к политике, наносящей ущерб стратегическим и экономическим интересам Соединенных Штатов. Концепция национальных интересов у этой администрации граничит с абсурдом: она считает дружественные страны порочными представителями статус-кво и рассматривает победу враждебных групп как выгодную для «истинных интересов» Америки.

Такая логика явно усиливается за счет предрассудков и личных пристрастий многих членов администрации. Традиционные автократии вообще по самому своему существу являются глубоко оскорбительными для современной американской ментальности. Мысль о том, что управление общественными делами происходит скорее на основе родства, приятельства и других личных отношений, чем на основе объективных «рациональных» стандартов, разрушает нашу концепцию справедливости и эффективности. Предпочтение, отдаваемое стабильности, а не переменам, также расстраивает американцев, весь национальный опыт которых основывается на переменам, развитии и прогрессе. Разрыв между богатством и бедностью, характерный для традиционных обществ, тоже оскорбляет нас, тем более что бедные обычно *очень* бедны и в силу своего рождения не могут вырваться из нищеты. Более того, безразличие богатых и довольных правителей

к нищете, невежеству и страданиям «их» народов понимается американцами, скорее всего, как нарушение морального долга. Просто и ясно. Американцы не могут примириться с такими обществами и такими правителями. Столкнувшись с ними, наш хваленый культурный релятивизм улечивается, и мы становимся столь же строгими судьями, как Коттон Мэзер перед лицом греха в Новой Англии.

Но если политика традиционных и полутрадиционных автократий почти противоположна нашей собственной как на символическом, так и на оперативном уровнях, то риторика прогрессивных революционеров звучит для нас гораздо более привлекательно, их символы являются куда более приемлемыми. Одна из причин, по которой современные американцы предпочитают «социалиста» традиционным автократам, — это то, что социалист принял современность и усвоил современные моды и взгляды, включая активную, оперативную, функциональную ориентацию относительно большей части социальных, культурных и личных явлений; исповедание универсалистских норм; упор на сознание, науку, образование и прогресс; умаление явлений духовного порядка; «разумную» бюрократическую организацию. Они говорят на нашем языке.

Поскольку социализм советско-китайско-кубинского типа является идеологией, имеющей общие корни с Просвещением и демократическими революциями XVIII века, поскольку социализм современен и нетрадиционен, поскольку он провозглашает цели, близкие как христианству, так и нерелигиозной системе ценностей (братство людей, отрицание силы как формы человеческих отношений), — постольку он на символическом уровне очень близок многим американцам. Марксистские революционеры говорят на языке полного надежд будущего, традиционные автократы — на языке непривлекательного прошлого. По той причине, что левые революционеры призывают к символам и ценностям демократии, подчеркивая уравнительство, а не иерархию и привилегии, свободу, а не порядок, активность, а не пассивность, — они вновь и вновь воспринимаются как борцы за дело свободы и демократии.

* * *

Нигде духовная близость либерализма, христианства и марксистского социализма не проявляется столь очевидно,

как среди либералов, которые постоянно «обманываются», поддерживая «освободителей», которые оказываются тоталитаристами, и среди левых священнослужителей, чье пристрастие к секулярному типу «общины искупления» сильнее их возмущения враждебностью социалистических режимов к религии. В Джимми Картере — приверженце равенства, оптимисте, либерале и христианине — искушение быть отвергнутым откровенно недемократическим правителем и иерархическим обществом почти так же сильно, как искушение идеей народной революции, освобождения и прогресса. Картер является, *par excellence*, типом либерала, который вероятнее всего склонен путать революцию с идеализмом, перемены с прогрессом, оптимизм с добродетелью.

Там, где для его предшественников озабоченность «социалистическим проникновением», советской экспансией и традиционные концепции национальных интересов были хорошей защитой от смешения понятий, Картер с его доктриной национальных интересов и модернизации поддерживает все перемены, которые совершаются во имя «народа», не обращая никакого внимания на их «поверхностно» марксистскую или антиамериканскую суть. Любое едва возникающее сомнение — может быть, Соединенным Штатам следует все же поддерживать «испытанного друга», такого как Шах, или дружественный режим, такой как в Зимбабве (Родезии), в случае конфликта с противником, который при этом нас ни во грош не ставит, — легко разрешается ссылкой на наши «истинные», «далеко идущие» интересы.

Стивен Розенфелд из «Вашингтон Пост» так описывает приверженность администрации Картера к такого рода «прогрессивному либерализму»:

Администрация Картера пришла к власти преданной идее уменьшить роль стратегического соревнования с Москвой как центра американской внешней политики и расширить связи Соединенных Штатов с выражающими веяния времени «народными движениями» в разных частях мира, которые эта администрация уже готова была признать законными, и прежде всего — с победоносным движением во Вьетнаме.

... Индокитай должен был стать местом, где американцы смогли бы продемонстрировать их «послевьетнамское» намерение прийти к соглашению с прогрессивными народными эле-

ментами, которые злодей Киссинджер не соглашался признавать.

Иными словами, администрация Картера, говорит Розенфелд, пришла к власти с намерением оценивать международные события не в свете «холодной войны», но с желанием принять за чистую монету заявления революционных групп о том, что они представляют «народные» чаяния и силы «прогресса», — игнорируя связи этих революционеров с Советским Союзом. С этой целью проводилось прощупывание почвы на предмет «нормализации» отношений с Вьетнамом, Кубой и Китайской Народной Республикой и были предприняты шаги, направленные на охлаждение отношений с Южной Кореей, Южной Африкой, Никарагуа, Филиппинами и другими странами. Эти меры естественно вытекали из убеждения, что США, по выражению наших врагов, находятся по ту сторону истории в своей поддержке существующего порядка вещей и в противодействии революции.

* * *

Можно было предположить, что такой взгляд будет опровергнут событиями в Юго-Восточной Азии, наступившими после того, как «прогрессивные» силы одержали там верх над «агентами реакции». Процитируем еще раз Розенфелда:

В период правления этой администрации Вьетнам превратился в глазах значительной части представителей американского общественного мнения из страны, обиженной Соединенными Штатами, в страну, проявившую свою собственную звериную сущность.

Этим была нанесена неявная, но очень серьезная травма сторонникам Картера (как и вообще всем либералам), подорвавшая и их уверенность в себе, и их притязания на доверие общества.

Думается, тем не менее, что варварство «прогрессивных» правительств Камбоджи и Вьетнама травмировали президента и его главных советников в значительно меньшей степени, чем Розенфелда, потому что не видно каких-либо перемен в позиции высших кругов Белого Дома и Госдепартамента. Президент ведет себя по-прежнему — не как человек, который ненавидит вообще автократов, а как человек, который ненавидит правых автократов.

В действительности высокопоставленные лица в администрации Картера гораздо лучше, чем это может показаться, понимают агрессивный, экспансионистский характер нынешнего советского поведения в Африке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в районе Индийского океана, в Центральной Америке и в районе Карибского моря. Но, хотя в результате советско-кубинских действий в Гренаде, Никарагуа и Сальвадоре (а также доставки на Кубу МИГов-23) было возобновлено наблюдение за Кубой, что в свою очередь подтвердило присутствие на Кубе советских войск, желание президента не «подогревать» общественное мнение продолжает быть сильнее его обещания говорить правду американскому народу. Его заявление относительно Никарагуа отражает эту позицию:

Для американцев было бы ошибкой предполагать или считать, что каждый раз, когда в нашем полушарии происходят эволюционные перемены, такие перемены так или иначе являются результатом тайного, массированного кубинского вмешательства. Дело в том, что режим Сомозы потерял доверие народа. Чтобы обеспечить организованную смену власти, мы пытались дать народу Никарагуа возможность самостоятельно решить, кто будет его вождем и какую форму правления ему выбрать.

Это заявление, которое, по всей видимости, выражает наиболее продуманные мысли президента по этому вопросу, многое разъясняет. Стремление Картера уменьшить озабоченность военными событиями в этой конкретной стране, объясняя эту озабоченность склонностью американцев на каждом углу видеть «кубинские махинации», является отвратительной попыткой фальсифицировать действительность. В случае с Никарагуа никто и не говорил о «эволюционных переменах» и не приписывал таковые перемены действиям агентов Кастро. Речь шла о надлежащей реакции США на вооруженную борьбу в стране, географическое положение которой придает ей стратегическое значение, непропорциональное ее величине и силе.

Но это еще не все. Остальная часть заявления президента наглядно иллюстрирует ослепляющую власть либеральной идеологии над его интерпретацией событий. Когда президент говорит, что «режим Сомозы потерял доверие народа», он подразумевает, что этот режим прежде имел своим основанием

доверие народа. На деле же режим Сомозы никогда не опирался на народную волю (вместо этого — на манипуляции, силу и привычки) и не был свергнут народом. Он рушился под напором оружия и солдат. Тем не менее допущение, что вооруженная борьба между сандинистами и сомозистами является военным эквивалентом народного референдума, позволило президенту вообразить, что конфликт может и должен быть разрешен народом Никарагуа. Чтобы такое предположение хотя бы выглядело справедливым, президент должен был бы ничего не знать о том, что мятежники щедро снабжались оружием из-за границы, а США со своей стороны сделали все, чтобы разоружить режим Сомозы.

Ошибки и перекосы президента — вполне в русле моды. Его предпосылки те же, что и у людей, которые очень хотят быть на стороне прогресса в конфликте между «правыми» автократиями и их «левыми» противниками и которые отдают предпочтение последним, вне зависимости от возможных последствий.

Конечно, ни президент, ни Вэнс, ни Бжезинский *не хотят* распространения просоветских режимов. Каждый из них осудил советское «вмешательство» в процесс модернизации. Но каждый, тем не менее, продолжает дестабилизацию дружественных или нейтральных автократий безо всякой уверенности, что на их место не придут реакционные тоталитарные теократии, тоталитарные просоветские режимы или, даже хуже того, жестокие фанатики типа Пол Пота.

Внешняя политика администрации Картера терпит провал не от недостатка добрых намерений, а от недостатка реализма в оценке природы традиционной автократии, автократии революционной, а также соотнесенности той и другой с американскими национальными интересами. Только интеллектуальная мода и стандартное мышление в терминах «левое-правое» мешают разумным людям доброй воли обратиться к *фактам и увидеть*, что традиционные авторитарные правительства менее репрессивны, чем революционные автократии, что они легче поддаются либерализации и что они более совместимы с интересами США. Доказательства в пользу этих соображений достаточно убедительны.

* * *

Теперь уже совершенно очевидно, что нынешние правительства Вьетнама, Камбоджи, Лаоса гораздо более репрессивны,

чем прежние «презренные» правительства этих стран, что правительство Китайской Народной Республики более репрессивно, чем правительство Тайваня, что Северная Корея более репрессивна, чем Южная, и т.д. Это самый важный урок Вьетнама и Камбоджи. Это не новость, а просто печальное напоминание о суровой правде.

Время от времени истинно зверский правитель может прийти к власти в автократии любого типа — Иди Амин, Папа Док Дювалье, Иосиф Сталин, Пол Пот тому подтверждение, но ни один из этих типов автократии не производит таких моральных уродов систематически (правда, демократия постоянно закрывает им доступ к власти). Тем не менее имеются *коренные* различия между автократиями традиционными и автократиями революционными, которые определяют степень репрессивности этих режимов. Говоря в общем, традиционные автократы допускают социальное неравенство, жестокость и нищету, в то время как революционные автократии создают их.

Традиционные автократии сохраняют распределение богатства, власти, влияния и т.п., сложившееся в большинстве традиционных обществ в пользу богатого меньшинства, оставляя массы в нищете. Но традиционные автократы поклоняются традиционным богам и соблюдают традиционные табу. Они не нарушают привычных ритмов работы и отдыха, привычных мест поселения, привычных норм семейных и личных отношений. Поскольку невзгоды традиционной жизни хорошо знакомы, они легче переносятся простыми людьми, которые, вырастая в обществе, научаются мириться с ними, подобно тому, как дети, рожденные от неприкасаемых в Индии, приобретают умение и привычки, необходимые для выживания в той роли отверженных, которая им суждена. Такие общества не порождают беженцев.

Нечто прямо противоположное происходит при революционных коммунистических режимах. Они порождают беженцев миллионами, поскольку регламентируют целиком всю жизнь общества и насильственно вводят изменения, которые разрушают жизненный уклад в такой степени, что жители бегут десятками тысяч в надежде, что их достоинства, жизненные ценности и цели лучше «подойдут» в чужих странах, чем на их родной земле.

Хонг Ван Хон, заместитель председателя Национальной ассамблеи Вьетнама с 1976 года до его бегства на Запад в

1979 году, недавно описал влияние продолжающейся революции на судьбу более чем миллиона китайцев, проживавших в его стране:

Они были изгнаны из мест, где жили поколениями. Их лишили всей их собственности — земли, жилищ. Их переселили в районы, называемые новыми экономическими зонами, но не оказали никакой помощи. Как они могут выжить в этих условиях, обживая новые земли? Они вымирают от болезней, от невыносимой жизни. И они умирают от унижения.

Китайцы не единственные, кто страдает в Юго-Восточной Азии после «освобождения», и Вьетнам не единственная страна, где страдают китайцы. К концу 1978 года более шести миллионов беженцев покинуло страны, управляемые марксистскими правительствами. Ни стены, ни заборы, ни пулеметы, ни акулы в море не могут остановить поток людей, бегущих от революционных утопий.

Существует разительный контраст в числе бегущих от марксистских режимов и от других автократий. Со времени прихода к власти Кастро с Кубы бежало более миллиона человек (каждый девятый), а из Аргентины, Бразилии и Чили — лишь по 35 тысяч. В Африке беженцев из Гвинеи и Гвинеи Биссау в пять раз больше, чем беженцев из Зимбабве (Родезии). Это заставляет предполагать, что людям легче мириться с гражданской войной и расовой дискриминацией, чем переносить свободу по-марксистски.

История этого столетия не дает оснований ожидать, что радикальные тоталитарные режимы трансформируются сами по себе. В настоящее время гораздо более вероятна постепенная либерализация и демократизация правительств в Бразилии, Аргентине и Чили, чем на Кубе, скорее на Тайване, чем в Китайской Народной Республике, в Южной, а не в Северной Корее, в Заире, а не в Анголе, и т.д.

Так как многие автократии допускают ограниченное политическое соперничество и представительство, совсем не невозможно, что политика США может эффективно способствовать этим процессам либерализации и демократизации при условии, что попытки либерализации предпринимаются не в момент борьбы за выживание существующего правительства с вооруженным противником и что предлагаемые реформы имеют целью постепенные перемены, а не введение полной демократии в течение суток. Чтобы добиться этого,

нужны политические деятели, которые понимают, каким путем утвердились современные демократии. Лучше следовать истории, чем благим намерениям.

Реалистическая политика, нацеленная на защиту наших интересов и на поддержку стремления к самоопределению развивающихся стран, должна будет признать тот неприятный факт, что в случае успеха насильственный мятеж, возглавляемый марксистскими революционерами, может привести только к тоталитарной тирании. Вооруженные интеллектуалы, цитирующие Маркса и поддерживаемые оружием и советниками из стран советского блока, наверняка не превратятся в аграрных реформаторов или просто в националистов или демократических социалистов. Насколько непостижимым это бы ни показалось некоторым, марксистские революционеры не являются современным повторением тех американцев, которые написали Декларацию независимости, и они не удовлетворятся установлением широкой коалиции, где у них будет один голос из числа многих других голосов.

* * *

Не всегда легко различить между демократическими и тоталитарными сторонниками перемен, но это также и не очень трудно. Подлинные демократические революционеры стремятся к сохранению правительств, опирающихся на согласие подданных, и верят в то, что обыкновенные люди способны пользоваться свободой, сознавать свои собственные интересы, выбирать своих руководителей. Они не полагают, как это делают нынешние правители Никарагуа, что надо отложить выборы на срок от трех до пяти лет, в течение которых правители смогут «исправить» неправильное сознание, свойственное почти каждому жителю страны.

Если же революционные лидеры описывают США как бич XX века, врага свободолюбивых народов, проводника империализма, расизма, колониализма, геноцида, войны, то в таком случае они не являются истинными демократами и, выражаясь мягко, нашими друзьями. К группам, которые объявляют себя врагами, надо относиться, как к врагам. Соединенные Штаты не являются в действительности ни расистской, ни колониалистской страной, они не занимаются геноцидом, не угрожают миру экспансионизмом. В последнее десятилетие, в особенности, мы проявили замечательную сдер-

жанность повсюду и проводили «одностороннее ограничение расходов на оборону», рекомендованное Бжезинским как соответствующее «технотронной эпохе». Мы также двигались быстрее и продвинулись дальше, чем любое другое многорасовое общество в мире или в истории, на пути искоренения расизма.

По этим и другим причинам поза постоянного самоуничтожения и извинений перед Третьим миром политически неуместна, а в моральном плане излишня. Нет более необходимости и нужды поддерживать крикливых врагов Соединенных Штатов на том основании, что они говорят в терминах народного освобождения. И даже нет нужды и необходимости для наших лидеров односторонне отказываться от применения военной силы для противостояния военной же силе. Либеральный идеализм необязательно должен быть тождественен мазохизму и не должен быть несовместимым с защитой свободы и национальных интересов.

СУРОВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ: ПОЛИТИКА СССР В 80-е ГОДЫ

Северин Бялер

Эра Брежнева подходит к концу. По всей вероятности, 26-й съезд партии (февраль-март 1981 года) был последним, на котором Леонид Ильич и его престарелая когорта смогли успешно отстоять свою власть. Даже если Брежнев и его однокашники останутся у власти еще год-другой, драматические перемены в международной и внутренней обстановке окажут глубокое воздействие на поведение и политику советского режима. Хотя 26-й съезд партии и проявил некоторые признаки понимания того, что международная и внутренняя ситуация меняется, он сделал лишь минимальные усилия разрешить связанные с этим вопросы и проблемы.

* * *

Эра Брежнева, вероятно, войдет в историю как наиболее успешный период советского международного и внутреннего развития. В международном отношении это был период, когда Советский Союз осуществил свою главную послевоенную мечту: достичь стратегического равновесия с Соединенными Штатами и стать истинно мировой державой. Господство Советов в своей империи получило международное признание, а для увековечения этой империи была разработана так называемая доктрина Брежнева, подразумевающая, что для сохранения единства коммунистической системы Советский Союз имеет право и обязанность осуществлять интервенцию в любое коммунистическое государство. Хотя СССР не удалось урегулировать свои отношения с другим коммунистическим гигантом — Китаем, советские руководители, разместив на своей восточной границе стратегические, тактические и обычные вооружения, изменили тем самым военную

географию этого района и оградили себя от сюрпризов с китайской стороны.

Это был период, когда Советы увеличили свое влияние на международной арене, одновременно с экономическим и политическим упадком своего главного противника — США. Советский Союз смог преобразовать свою вновь приобретенную мощь в новые отношения с Западом (особенно с США), которые получили название «детант» и явились многообещающим краеугольным камнем советской стратегии дальнего прицела. Детант обещал экономические выгоды и, что важнее всего, усиливал советское влияние в мире без угрозы конфронтации с Соединенными Штатами и их союзниками. Он обещал сдвинуть баланс международного влияния и силы в пользу Советского Союза.

Это был период большей стабильности и во внутренней политике СССР, когда система, основанная на привилегиях элиты, взаимных уступках и приспособленчестве, содействовала спокойному политическому климату. Советское руководство разделалось с беспрецедентным диссидентским движением в среде интеллигенции и обеспечило сравнительно высокую степень политической и социальной стабильности в стране. В экономике советское руководство успешно проводило политику пушек и масла. В этот период советский режим смог избежать сколько-нибудь серьезного кризиса внутри своей общественной и политической системы.

Однако с середины 70-х годов внутреннее и международное развитие приняло новое направление. К концу десятилетия прежде благоприятная ситуация начала ухудшаться. 26-й съезд КПСС собрался в обстановке, отмеченной явной возможностью развития опасных и неблагоприятных тенденций. Эта новая ситуация является иллюстрацией к изречению одного европейского государственного деятеля: «Россия никогда не бывает такой сильной, какой кажется, Россия никогда не бывает такой слабой, какой кажется». Сегодня советское поведение полно парадоксов. Советский Союз обнаруживает как силу, так и слабость, как достоинства, так и недостатки.

Будучи ныне сильнее, чем когда-либо, Советский Союз тем не менее меньше уверен в своем будущем, чем за все последние 10-15 лет. Он стоит перед лицом более уверенных в себе Соединенных Штатов, а также перед потенциальной возможностью союза между Китаем и Западом и перед меняю-

шейся тенденцией в расходах на вооружения, что ставит под угрозу достижение им паритета. Эта странная смесь мощи и неуверенности накладывает особый отпечаток на советскую внешнюю политику и поведение на международной арене.

— Советский Союз стал мировой державой, которую одинаково боятся и друзья, и враги. Однако как марксисты, так и немарксисты все чаще считают его модель государственного управления и развития неудавшейся, а советская экономическая и общественно-политическая система как никогда раньше вызывает к себе презрительное отношение.

— В то время как советская экспансия достигла своей высшей точки, советские руководители видят на заднем дворе своей империи — в Польше — величайший вызов за всю свою послевоенную историю. Польская национальная революция угрожает подорвать централистское ленинское государство. Советский Союз продолжает сохранять контроль над своей обширной внутренней и внешней империей, в которой его политическое и военное господство все еще сильно. Однако он перестал получать от своей империи экономические выгоды и даже должен сам ее экономически поддерживать. Образовалась странная ситуация, когда уровень жизни в Восточной Европе более высокий, чем в Советском Союзе, и когда узбекский колхозник живет гораздо лучше, чем русский колхозник. Более того, экономическая жизнеспособность восточно-европейской империи в значительной степени зависит от экономической помощи со стороны западных противников СССР и от торговли с ними.

— Советская внешняя политика в эру Брежнева смогла значительно укрепить свое международное влияние и сделать большие успехи в своей глобальной захватнической политике. Однако Советский Союз одновременно потерпел крупные провалы и знаменательные поражения, особенно на Ближнем Востоке, где он потерял свое ключевое влияние в Египте. Такой двусмысленный баланс достижений и потерь оставляет Советов не только с неудовлетворенным аппетитом, но также и с чувством глубокого разочарования.

— В 60-х и 70-х годах краеугольным камнем проводимой Советским Союзом внешней политики было соревновательное сосуществование с Западом, в частности с США. Но, вступив в 80-е гг., СССР увидел, что этот краеугольный камень начал крошиться. Советский Союз столкнулся с самым серьезным за последние 20 лет вызовом своей

глобальной амбиции. Если в 70-е годы СССР расширялся за счет малоопасных и недорогих захватов, без риска крупной конфронтации с Соединенными Штатами, то в 80-е годы захватническая политика будет связана с гораздо большим риском и расходами, а опасность столкновения с США значительно возрастет. В 80-е годы Советский Союз вряд ли сможет осуществлять свою захватническую политику без конфронтации.

За последние два десятилетия Советский Союз пережил самый лучший экономический, политический и социальный период в своей истории. Темпы роста оставались высокими, отношения внутри элиты определялись приспособленчеством и компромиссом, массовый террор прекратился, уровень жизни населения быстро и неуклонно поднимался. Но вполне вероятно, что в 80-х годах СССР вступит в самый трудный период со дня смерти Сталина. Темпы роста будут самыми низкими за всю его историю, разногласия приведут к разладу внутри элиты, возможен возврат к более жесткой внутренней политике, и население может ожидать, что его жизненный уровень будет топтаться на месте или даже понизится. Сама стабильность социальной системы окажется под вопросом.

Советский Союз вступает в 80-е годы нашего столетия, по крайней мере частично сознавая эти парадоксы и связанные с ними дилеммы. Однако в перспективе у него нет никаких средств для их разрешения.

* * *

На каких основных предпосылках строилась советская внешняя политика в 70-е годы? Во-первых, что детант с Соединенными Штатами станет необратимым процессом. Предполагалось, что соперничество с США останется под советским контролем и элементы сотрудничества сохранятся даже в обстановке изменяющегося соотношения военных сил.

Во-вторых, что начавшееся в 70-е годы нарушение военного равновесия в пользу Советского Союза будет продолжаться. Советы рассчитывали, что, хотя Запад и может попытаться «подправить» нарушенное равновесие, США не приложат новых усилий, чтобы вернуть себе стратегическое превосходство, и что союзники Америки будут успешно сопротивляться попыткам сколько-нибудь существенно изменить соотношение сил на европейском театре.

В-третьих, что Советскому Союзу удастся использовать созданную им военную машину для осуществления влияния и оказания давления в тех районах земного шара, которые лежат за пределами общепризнанных сфер влияния великих держав, не рискуя при этом конфронтацией с США или их союзниками.

В-четвертых, что Советский Союз будет продолжать использовать любые благоприятные возможности, которые могут возникнуть в результате беспорядков в слаборазвитых странах. Ни один район земного шара не считался лежащим за пределами возможного распространения его влияния.

В-пятых, что существующее соотношение сил в Европе будет, в основном, заморожено обеими сторонами и что, пусть нельзя ожидать значительного усиления советского влияния в Западной Европе, нельзя ожидать и возникновения серьезной угрозы для стабильности восточно-европейской империи.

В-шестых, что СССР будет в состоянии бесконечно нести бремя своей империи, избегая серьезных экономических затруднений дома, не нарушая существующей экономической системы планирования и управления и не подвергая опасности социальную и политическую устойчивость у себя в стране и во всей империи.

В-седьмых, что советская экспансионистская политика и стремление распространить свое влияние на весь мир не помешают расширению экономического сотрудничества с Западом или притоку передовой зарубежной технологии и кредитов в страны советского блока и непосредственно в СССР.

* * *

На сегодняшний день Советский Союз стоит перед лицом США, которые, в основном, оставили позади себя сомнения и колебания вьетнамского и уотергейтского периодов. СССР столкнулся с новым правительством, политика которого резко отличается от политики его предшественников уверенностью в себе и готовностью идти на столкновение с СССР там, где затрагиваются его жизненно важные интересы. Вполне вероятно, что военное соотношение, существовавшее в 70-х годах, начнет меняться и Советский Союз даже будет вынужден начать новую грандиозную гонку вооружений в тот момент, когда он не может себе позволить необходимое для этого увеличение расходов. Одновременно ему противо-

стоит Китай, который перестал следовать по курсу саморазрушительной перманентной революции, а сосредоточивает свои усилия на модернизации и достижении фактического союза с США, Японией и НАТО. Эти проблемы осложняются положением в Афганистане, который причиняет больше беспокойства, чем ожидало советское руководство. Еще более опасная ситуация создалась в Польше, центральном государстве советской империи; эта ситуация чревата непредвиденными осложнениями для будущего как советской империи, так и самого Советского Союза, какую бы политическую линию не избрало руководство.

Советские политические взгляды и политическая линия изменяются очень медленно. Однако в 80-е годы СССР столкнется с вопросами и событиями, которые могут привести к изменениям и в природе политики, и в направлении политической линии, возможно даже — к коренным изменениям, хотя это кажется менее вероятным. Мы рассмотрели внешнеполитические проблемы, с которыми столкнется советское руководство в 80-е годы. А сейчас мы рассмотрим некоторые основные внутривнутриполитические вопросы.

* * *

В наступившем десятилетии самой злобещей для советского руководства будет проблема народного хозяйства. Эти трудности окажут гораздо большее влияние на политическую систему и на взаимоотношение этой системы с обществом, чем это было в 70-е годы.

1) В 80-е годы СССР впервые столкнется с устойчивым снижением темпов роста почти во всех секторах народного хозяйства. Он больше не сможет поддерживать высокие темпы роста, основой для которых были вошедшие в практику «впрыскивания» все больших капиталовложений и рабочей силы в экономику (т.е. политика экстенсивного развития). Даже исключая другие отрицательные факторы, рост советского валового национального продукта в 80-е годы составит лишь около 2,5% в год.

2) Советская политико-экономическая система управления, ценообразования и экономических стимулов плохо подготовлена для роста за счет повышения производительности труда, т.е. для интенсивного развития. Относительно быстрый переход к такому интенсивному развитию потребовал

бы коренных изменений политико-экономической системы — перемен, которые вряд ли осуществимы в ближайшем будущем. Те шаги, которые советское правительство уже предприняло, чтобы остановить тенденцию к снижению роста, не окажут сколько-нибудь существенного воздействия на советскую экономику.

3) В 80-е годы СССР также столкнется с неблагоприятными демографическими тенденциями, например, с перспективой очень быстрого сокращения притока свежей рабочей силы в народное хозяйство. Эта ситуация еще более осложнится в результате изменения состава этой новой рабочей силы, которая в подавляющем большинстве будет представлена национальными меньшинствами.

4) СССР столкнется с энергетическим кризисом в связи с сокращающейся добычей нефти, который окажет отрицательное воздействие на экономическое развитие. Хотя ЦРУ больше не считает, что к середине 80-х годов СССР будет импортировать нефть, а экономисты расходятся в оценке ожидаемого уровня добычи нефти, никто не спорит, что он понизится. Даже если отбросить самый мрачный вариант, согласно которому производство нефти сократится до немногим более 1 млн. тонн в день, снижение темпов добычи, по видимому, причинит советской экономике серьезный ущерб и ограничит возможность использования существующих промышленных мощностей.

5) Огромные капиталовложения в сельское хозяйство в эпоху Брежнева дали весьма ограниченные и, в лучшем случае, неопределенные результаты. Советское сельское хозяйство в 80-е годы останется весьма неустойчивым сектором народного хозяйства. Более того, вследствие снижения темпов развития в других отраслях экономики неизбежные перепады сельскохозяйственного производства будут оказывать все большее влияние на размер советского валового национального продукта.

Вряд ли можно сомневаться, что в 80-е годы СССР столкнется с трудной экономической ситуацией. О степени ее серьезности можно только догадываться. Согласно наихудшему варианту сценария, это будет период очень медленного роста, если не экономического застоя. Но даже согласно более оптимистическому сценарию экономика Советского Союза окажется в гораздо более жестких тисках, чем это было в предыдущие два десятилетия.

Я должен подчеркнуть, что разница между оптимистическим и пессимистическим вариантами сценария является делом чрезвычайной важности, так как речь идет о различии между трудной ситуацией и глубоким кризисом. Следует также учитывать такие непредсказуемые факторы, как капризы природы или, что не менее важно, эффективность политики, которую советское руководство начнет проводить для борьбы с отрицательными тенденциями. Даже если допустить, что более оптимистический сценарий лучше отражает действительность 80-х годов, какой эффект растущие экономические трудности произведут на советской политической арене? Двумя наиболее важными последствиями будут резкое обострение борьбы между отдельными отраслями за скудные ресурсы и острая конкуренция за них между отдельными районами страны.

* * *

Исторически советская система привыкла к нехваткам, недостаткам и дефицитам. Борьба с этими проблемами является ее нормальным состоянием. Эти нехватки, дефициты и недостатки шли рука об руку с процессом крайне неравномерного развития. Кроме того, во времена чрезвычайных нехваток система ограждалась аппаратом массового террора, введенного Сталиным и упраздненного его наследником. В послесталинский период темпы роста советской экономики составляли около 6% в год. Относительно высокие темпы роста обеспечивались притоком новых ресурсов во все отрасли народного хозяйства, включая и те ресурсы, которые в сталинскую эпоху не использовались. Хотя советская политическая система привыкла к нехваткам, дефицитам и недостаткам, она еще не сталкивалась с длительными периодами низких темпов роста экономики в целом.

Ее трудности возникают из трех основных источников: 1) отсутствие парализующего массового террора, который заставил бы народ смириться со всеми жертвами и требованиями; 2) существование внутри руководящего аппарата мощных ведомственных и местнических групп, которые осложняют осуществление экономии и бюджетных ограничений; 3) социальные препятствия к сокращениям бюджета.

Энергетическая проблема, стоящая перед Советами в 80-е годы, потребует громадных и длительных капиталовложений — гораздо более высоких, чем те, которые они начали сейчас осуществлять. Разработка сибирских месторождений нефти и газа ляжет новым тяжелым и непрерывно растущим бременем на советские источники капиталовложений. Однако это то время, которого Советы не могут избежать и которым не могут пренебречь.

Достижения советского сельского хозяйства при Брежневе — рост производства зерна и, особенно, упор на производство мяса — были осуществлены за счет чрезвычайно больших денежных затрат. Но даже при этих огромных расходах продуктивность советского сельского хозяйства продолжает оставаться весьма неустойчивой. Советы до сих пор не придумали способа, как обеспечить даже нынешний недостаточный уровень сельскохозяйственного производства без долгосрочных и массивных вложений капитала.

Одним из достижений эры Брежнева был постоянный и значительный рост советского народного потребления. Последние 15 лет уровень жизни советского народа быстро возрастал, особенно по советским масштабам, в частности, в сфере товаров длительного пользования. Особенно примечательным в этом достижении был тот факт, что это происходило одновременно с быстрым ростом советской военной мощи. Другими словами, руководство Брежнева проводило политику как пушек, так и масла. Устойчивость режима может быть в значительной степени объяснена способностью руководства полнее удовлетворить спрос советского потребителя. Советский гражданин — рабочий, крестьянин и профессионал — привык в брежневский период к непрерывному росту уровня своей жизни и стал более требовательным в плане товаров и услуг, которых он ожидает от правительства. В период замедляющегося роста и ввиду того, что другие отрасли советского хозяйства требуют все большей доли ресурсов, советскому руководству будет чрезвычайно трудно продолжать свою политику роста уровня потребления.

Вполне вероятно, что в 80-е годы советское народное потребление застынет на одном уровне, даже если не будет крупного неурожая или сильного энергетического кризиса. Последствия такого застоя трудно предугадать, ясно только, что они будут отрицательными. Трудно представить, как можно добиться решительного подъема уровня производства

без повышения зарплаты и введения дополнительных стимулов. Ни советское руководство, ни мы не знаем, как советский промышленный рабочий класс будет реагировать на эту изменяющуюся обстановку.

Ключом к стабильности советской системы было то, что руководство успешно манипулировало надеждами и чаяниями народа. Остается открытым вопрос, до какой степени существующий полицейский контроль и манипуляция ожиданиями масс смогут удержать в узде советский рабочий класс в период длительного застоя его жизненного уровня. Создается впечатление, что Польша, призрак «полонизации» советского рабочего класса не выходит из головы советского руководства и советской элиты.

* * *

Безусловно, в наступившем десятилетии обострится не только борьба отдельных отраслей за ресурсы, но и борьба внутри отраслей. Но борьба за ресурсы между отраслями хозяйства и внутри них осложнится и потонет в более упорной и целеустремленной борьбе за ресурсы между различными районами СССР. Уже в 70-е годы такая борьба была нормальной стороной политической жизни. Имеются многочисленные документальные доказательства бюджетных стычек и борьбы в связи с планами развития. В 80-е годы они, безусловно, усилятся.

Трудные политические решения относительно распределения наличных ресурсов осложняются фундаментальной экономической дилеммой: европейская часть СССР имеет хорошо развитую инфраструктуру, которая требует относительно небольших капиталовложений, приносящих высокую прибыль. Но в то же время европейская часть СССР почти истощила новые трудовые ресурсы и бедна природными запасами. Район Средней Азии имеет ограниченную инфраструктуру, особенно в секторе промышленности. Кроме того, заявки среднеазиатской элиты на новые ресурсы будут, вероятно, жестоко оспариваться доминирующими славянскими элитами. Огромные районы Сибири, где находятся природные запасы, абсолютно не имеют людских ресурсов и какой-либо инфраструктуры. Здесь требуются огромные капиталовложения, которыми будет трудно управлять.

Ситуация осложняется тем фактом, что региональная борьба за ресурсы будет проходить в период смены советского руководства. В такие периоды влияние и политический вес областной и республиканской элиты традиционно возрастают и появляется большое искушение сыграть в хорошую политику, а не в хорошую экономику. В период прихода к власти Хрущева провинциальные вожди буквально сыграли роль выборщиков короля.

Самой первой и главной реакцией советских властей на стоящие перед ними трудности — как экономические трудности, так и неустойчивую политическую ситуацию — будет укрепление авторитарного характера советского государства-партии. Упор на правопорядок, общественную дисциплину, непоколебимую лояльность, национализм, а также на карательные и ограничительные меры против антиобщественного поведения может стать более выраженным, чем это было в 70-е гг. Не удивительно, что может возрасти роль тайной и не такой уж тайной полиции. Когда ситуация осложняется, когда отсутствуют перспективы быстрого улучшения и когда встает вопрос о затягивании поясов, то естественной реакцией советских вождей — как старых, так и новых — является затягивание гаек политического и общественного контроля. Потенциальные возможности и орудия такой политики уже существуют.

Остается открытым вопрос, будет ли такая политика достаточной для поддержания порядка в условиях новых и длительных экономических трудностей. По моему мнению, можно ожидать, что беспокойство промышленных рабочих возрастет, а стабильность и сплоченность элиты ослабнут. После того как советское население осознает, что впереди его не ждет ничего кроме неуклонного снижения жизненного уровня, вполне вероятно, что возникнут рабочие беспорядки, забастовки и демонстрации рабочих, а также возрастет общественное недовольство. То, насколько широко они развернутся, может повлиять на проводимую правительством политику распределения.

В новой ситуации национальная проблема также может обостриться. Это может произойти независимо от той политики, которую руководство будет проводить по отношению к нерусским районам страны. Способность советского руководства в 70-х годах удержать национальную проблему в допустимых рамках частично связана с тем, что национальные

районы росли гораздо быстрее, чем страна в целом, в особенности их жизненный уровень и условия жизни в сельской местности. Если в условиях оскудения ресурсов партия решит замедлить рост этих районов, то относительный мир между различными советскими национальностями подвергнется суровому испытанию.

В этом отношении вопрос о том, каким именно путем советское руководство справится с дилеммой, возникшей в результате новых демографических тенденций и их влияния на трудовые ресурсы, станет самым важным пунктом советской повестки дня по национальному вопросу. Необходимость эксплуатировать растущие неславянские — в основном среднеазиатские — людские ресурсы открывает перед советскими политиками два пути: или миграция неславянской рабочей силы в промышленные районы, или резкое повышение темпов промышленного развития в Средней Азии. Для национальных отношений в СССР оба эти варианта содержат огромный дестабилизирующий потенциал.

По-моему, больше шансов имеет второй вариант. Если это произойдет, то в некоторых среднеазиатских районах решение ускорить индустриализацию может привести к серьезным социальным сдвигам. Это также повлечет за собой быстрый и массированный приток в эти районы русских бюрократов, что будет сопровождаться недовольством и напряженными отношениями между местной элитой и вновьприбывшими. Нерусские республики, включая среднеазиатские, лишь недавно смогли создать местные административные и технические кадры, позволяющие им управлять своими собственными делами без помощи русских. В этих условиях местная элита будет все более настойчиво и упорно стремиться к самоутверждению и создавать трудности для центральной власти.

Экономическая реальность 80-х годов создаст обстановку жестокой борьбы, конфронтаций и разногласий. Серьезность конфликта усилится и достигнет непредсказуемой силы ввиду беспрецедентной политической конъюнктуры — смены верхушки руководства и буквально всей кадровой элиты. Нет сомнения, что трудные экономические проблемы будут представлять собой самый важный фактор в тех разногласиях, конфликтах и перегруппировках, которые будут сопровождать смену власти.

Самым главным стимулом политических перемен в Совет-

ском Союзе в 80-е годы могут стать не вопросы новой политики, а, скорее, сам процесс осуществления политики. Такие перемены возникнут при грядущей смене вождей и элиты — смене власти, которая внесет в общий советский политический процесс более ярко выраженный элемент непредсказуемости и неуверенности, чем это бывает характерно для него в «нормальные» времена.

Для политической системы последствия будут серьезными. Возрастет вероятность глубоких личных и политических конфликтов внутри самой структуры руководящих верхов, а также и возможность разрешения этих конфликтов более экстремальным путем. Массовые перемены внутри самого руководства, в верхах элиты и на верхних ступенях бюрократической лестницы достигнут высшей точки.

Смена власти подействует как катализатор на процессы и тенденции, уже существующие в советском обществе и имевшие до этого лишь ограниченную возможность выражения и реализации.

26-й съезд КПСС был первым съездом в советской истории, который не принес перемен в высших кругах руководства. Стареющие советские олигархи не провели даже элементарной подготовки для смены власти в верхах и в непосредственно примыкающих к ним слоях руководителей. Этим они повысили вероятность беспорядочной борьбы за власть и появления альтернативных политических вариантов после их ухода со сцены.

Приближающаяся смена власти во многих отношениях отличается от смены власти в прошлом. Наиболее важным является тот факт, что замена главного вождя неизбежно будет сопровождаться сменой основного ядра руководящей группы и значительной части центральной элиты, а также с началом всеобщей замены советской элиты. Такая смена власти может привести и, вероятно, приведет к нарушению системы выработки политики; в свою очередь, дестабилизация в такой сверхцентрализованной системе, как СССР, будет иметь важные последствия. Она разрушит единодушие руководства и элиты, ожесточит фракционную борьбу на верхних и средних ступенях бюрократии, приведет к перегруппировкам существующих союзов и к использованию спорных политических вопросов отдельными вождями и группировками в целях сосредоточения власти в своих руках, а также к резким поворотам и перегибам центральной политической линии.

Характер и глубина экономических проблем, с которыми Советский Союз столкнется в 80-е годы, могут лишь обострить всеобщую смуту на политической арене.

* * *

Каковы же характерные черты нового поколения руководителей, которое выйдет на советскую политическую арену 80-х годов? В нашем распоряжении имеются лишь отрывочные данные, и мы должны подчеркнуть условность нашего портрета послесталинского поколения. Однако нет сомнения в том, что одной из определяющих черт этого поколения является то, что оно вступило на политическую арену после смерти Сталина и не пережило парализующего террора, оказавшего растлевающее влияние на поведение предыдущих поколений.

Об этом новом поколении с уверенностью можно сказать только одно. Оно пережило одно из самых критических и поучительных политических событий, если не самое критическое, — длительное брожение и шок в результате антисталинской кампании Хрущева, кампании, признавшей те чудовищные преступления, которые до тех пор никто не смел называть по имени, кампании, которая поставила под сомнение власть и стимулировала критическую мысль. Приход в политику послесталинского поколения также совпадает с открытым признанием вопиющих недостатков советского развития и отсталости советской техники и, одновременно, с сумасбродными намерениями догнать и перегнать Запад.

В своем упорном следовании культу государства это новое поколение является чисто советским. Нельзя сомневаться в искренней преданности его членов основным формам советской политической организации и в их вере, что для Советского Союза эта система является правильной и справедливой. Но можно сомневаться, что они считают свою систему пригодной или желательной для развитого западного общества. Хотя они и разделяют со своими предшественниками чувство патриотизма, они почти лишены ксенофобии и страха и подозрительности к внешнему миру. Они, скорее, проявляют любопытство, которое, безусловно, отражает глубокую озабоченность несостоятельностью советской системы.

Некоторые черты нового поколения могут показаться про-

тиворечивыми. С одной стороны, можно отметить чувство безопасности, противоположное комплексу неуверенности, даже, можно сказать, неполноценности, который ощущало старое поколение. Они, по-видимому, чувствуют себя сильнее и увереннее. Однако в то же самое время они четче, чем их предшественники, сознают провалы, изъяны и отсталость советского государственного устройства и советского общества и менее согласны не замечать их. В отличие от своих предшественников многие из них гораздо легче вступают в откровенный и серьезный обмен мнениями с посторонними.

Это — поколение, которое видит неспособность правительства Брежнева разработать генеральную линию развития советского общества. Это — поколение, которое опечалено отсталостью советского общества, функциональной неполноценностью системы и неспособностью нынешнего руководства исправить ситуацию. Одновременно оно, вероятно, уверено в своих способностях осуществить это. Это — поколение, которое будет менее склонно принимать фактические или мнимые успехи в международном плане как замену успеха внутри страны. Это — поколение, которое, возможно, будет согласно заплатить более высокую цену в плане политических и социальных перемен, если его убедят, что эта цена обеспечит значительное повышение роста и производительности системы производства и распределения.

* * *

Даже если бы наш портрет нового поколения советских руководителей был менее условным и схематичным, было бы все же слишком неразумно и самонадеянно пытаться вывести на его основе какой-либо конкретный вид предполагаемого поведения. Тот политический опыт, который представители этого поколения получили, и те склонности, которые они проявляют и которые мы попытались здесь определить, лишь наводят на мысль, что как группа они будут отличаться от своих предшественников.

Я хотел бы уточнить одно обстоятельство. Я не жду, что новое поколение советских партийных функционеров проявит такие же реформистские тенденции, как Дубчек в Чехословакии. Я также не ожидаю, что они окажут предпочтение высокоидейным сумасбродным реформам-кампаниям, проводимым Хрущевым. В то же самое время я не удивлюсь, если они

проявят интерес к реформам в рамках советской системы или недовольство тем бескомпромиссно-консервативным отношением к нововведениям, которым пропитано все нынешнее брежневское руководство.

Я также не хочу сказать, что с ними будет легче иметь дело на международной арене. Вполне возможно, что они будут менее осторожны и более склонны к риску, чем нынешнее руководство, именно вследствие того, что у них нет непосредственного опыта, чтобы знать, чего стоило создать советскую мощь, а также потому, что они привыкли, что Советский Союз пользуется статусом великой державы. Я не знаю, будет ли новое поколение советских руководителей лучше или хуже с точки зрения нашей шкалы ценностей и наших интересов. Я лишь высказываю мысль, что новое поколение, по-видимому, будет отличаться от старого.

В текущем десятилетии, возможно, даже в ближайшем будущем, Западу придется иметь дело с новыми советскими вождями, имеющими весьма ограниченные знания в области международных отношений, которым придется учиться на ходу. Их приход на верхи советского руководства приведет к еще большей неустойчивости в международной политике и поставит нас перед лицом еще большей неопределенности.

Я не сомневаюсь, что, когда новое поколение займет ответственные должности, оно предпримет попытку реформировать экономическую систему, которая больше не справляется с первоочередными задачами и требованиями. Однако я скептически отношусь к тому, что Советский Союз сможет провести полную модернизацию своей экономической системы, даже если у власти встанут вожди нового поколения. Существуют непреодолимые препятствия для реорганизации советской системы управления и планирования, и их совокупный эффект делает надежды на перемены бессмысленными.

* * *

Взаимодействие советских внутривластных и экономических событий в 80-е годы приведет к ряду перемен в поведении Советов на международной арене, которые могут оказать серьезное влияние на международную обстановку.

Во-первых, явно противоречивые внутренние интересы будут оказывать давление на советскую военную политику, осо-

бенно на рост военных расходов. С одной стороны, будет ощущаться определенный нажим, чтобы продолжать укрепление советской военной мощи, невзирая на расходы. По мере того, как достижения во всех других областях будут бледнеть, военная мощь еще в большей степени может стать витриной успехов и славы государства. Кроме того, еще долгое время военная сила останется доминирующим орудием внешней политики СССР. По всей видимости, высокие военные расходы будут обеспечены благодаря инерции, а также вследствие возросшего политического веса военных кругов в период смены власти и промежуточного правления.

С другой стороны, некоторые обстоятельства будут ограничивать рост военной машины и могут заставить руководство прислушаться к своевременным и реалистичным предложениям Запада по ограничению и сокращению гонки вооружений. По мере сокращения роста промышленности и все большего истощения ресурсов стоимость непрерывного наращивания военного потенциала наложит на советскую экономику и государственную систему более тяжелое бремя, чем в прошедшее десятилетие. Соперничающие за выделение им большей доли ресурсов секторы руководства и группы элиты могут оказать давление, чтобы сократить военный бюджет — решение, которое с начала 60-х годов считалось неприемлемым. Советский военно-промышленный комплекс не имеет таких тесных связей с заступающим поколением советской элиты, какие он имел с элитой периода Брежнева, так как представители нового поколения делают свою карьеру, в основном, в гражданском секторе.

Однако, если и существует угроза того, что симбиоз политического и военного руководства ослабнет или нарушится, не следует сомневаться, что если руководство почувствует угрозу интересам безопасности СССР или доставшемуся с таким трудом равновесию с Западом, то наращивание военной мощи будет продолжаться, невзирая на расходы и жертвы. Тем не менее в трудной и неустойчивой политической и экономической обстановке 80-х годов новые советские вожди в отличие от вождей 70-х годов вполне могут отказаться от непрерывного наращивания вооруженных сил. Безусловно, многое будет зависеть от поведения американского правительства, которое должно поддерживать трудный курс между бесспорной необходимостью оградить американские интересы и не менее важной необходимостью учитывать новые советские проблемы.

Вторым последствием осложнения положения внутри страны, которое окажет влияние на международную политику, будет новый, уже экономический, предлог для советской агрессивной международной политики. Почти с уверенностью можно сказать, что советская жажда власти и большего влияния на международной арене будет продолжать питаться политическими и стратегическими соображениями. К ним скоро добавятся и экономические соображения.

Советские экономические и политические затруднения наводят на мысль о двух основных побуждениях и объектах экспансии. Первой и наиболее очевидной будет попытка облегчить дефицит отечественной нефти вторжением в район Персидского залива. Я совсем не считаю, что советское вторжение в Иран неизбежно, поскольку при нынешних обстоятельствах такая авантюра, видимо, полностью исключена. Однако обстоятельства меняются, и в перспективе нельзя исключить возможность советской попытки захватить иранскую нефть. Многое будет зависеть от непредсказуемого хода революции в Иране. К примеру, если силы внутри Ирана приведут к распаду страны и ее центрального правительства или если левые силы, симпатизирующие Советскому Союзу, получат ответственную роль в революции, то советские лидеры могут соблазниться на интервенцию, причем их решение будет подкреплено собственными экономическими и политическими затруднениями.

Конечно, советская внешняя политика может искать другие пути решений своей энергетической проблемы кроме вторжения в богатые нефтью районы. Гораздо более вероятный поворот событий может заключаться в том, что Советы начнут переговоры о заключении товарообменных соглашений на покупку нефти либо с помощью реверансов дружеским арабским режимам (таким, как Ирак и Ливия), либо запугиванием консервативных режимов (например, Саудовской Аравии). Если им это удастся, что вполне возможно, то характер таких соглашений будет чисто политическим, так как полученные арабами в обмен на нефть гражданские товары не конкурентноспособны на мировом рынке.

Второй побудительный мотив советской экспансии не так очевиден, как первый, но в 80-е годы он может стать более важным: желание обеспечить советскую экономику передовой западной техникой на благоприятных условиях. Это может соблазнить СССР начать оказывать усиленное давление на

Западную Европу. Без всяких сомнений, в 80-е годы Советский Союз будет еще больше нуждаться в западной технике, передовой технологии и, особенно, в кредитах. Картина нынешних советско-американских отношений показывает, что США вряд ли согласятся стать для СССР основным партнером в экономических предприятиях. С другой стороны, экономическая роль, которую Западная Европа играет для СССР в качестве торгового партнера и источника кредита, вероятно, значительно возрастет. Советская внешняя политика в 80-е годы, по-видимому, попытается отделить детант с Соединенными Штатами от детанта с западными союзниками США. Нынешние настроения в Западной Европе, которые, вероятно, сохранятся на протяжении всего десятилетия, таковы, что, несмотря на растущие признаки советских захватнических амбиций, политические круги твердо намерены продолжать детант с СССР почти любой ценой, даже без существенных советских уступок в военных вопросах и без восстановления нарушенного военного равновесия в самой Европе. Это, по-видимому, особенно справедливо в отношении самой влиятельной европейской страны — Западной Германии. Стремясь укрепить экономические отношения с Западной Европой и еще глубже расколоть западный союз, Советы могут применить тактику жесткой оппозиции США по вопросам, которые западных европейцев мало беспокоят, одновременно проявляя уступчивость по отношению к европейским странам.

В это же время, предлагая Европе пряник, советская политика не постесняется использовать и кнут. Советы не могут не воспользоваться тем, что европейцы довольно примирительно относятся к нарастанию советской военной мощи и что сопротивление европейцев советскому политическому давлению теперь слабее, чем когда-либо раньше. В любом случае можно ожидать, что политическое и экономическое давление будет все больше сосредоточиваться на европейском театре, чтобы вынудить Западную Европу расширять экономические отношения с СССР.

Политическое и экономическое положение Советского Союза в 80-е годы может оказать существенное влияние на Восточную Европу. При дальнейшем ослаблении экономического рычага для воздействия на Восточную Европу в этом десятилетии возникнет ситуация, когда большинство восточно-европейских стран, оставаясь зависимыми от СССР

политически, экономически станут более зависимыми от Запада.

Коренной вопрос здесь в том, до какой степени СССР будет вынужден урезать поставки нефти в Восточную Европу и тем самым позволить восточно-европейским странам покупать нефть на международном рынке по конкурентным ценам. Восточно-европейские страны плохо к этому подготовлены. Их экспортируемые ресурсы и запасы валюты крайне ограничены. Даже частичное сокращение советских поставок нефти может подорвать уже внушающую опасения экономическую обстановку во многих восточно-европейских странах, в частности в Польше. Серьезные экономические затруднения в Восточной Европе обычно выливаются в социальные и политические волнения и во внутреннюю дестабилизацию, к чему Советы весьма чувствительны. До последнего времени фортуна улыбалась СССР в его отношениях со своей империей. Бунты, восстания, беспорядки и движения за реформы в странах-сателлитах вспыхивали не одновременно. В наступающем десятилетии в условиях растущего беспокойства элиты и населения восточно-европейских стран такие вспышки вполне могут синхронизироваться.

Четвертая область, где внутренние осложнения могут повлиять на внешнюю политику, включает проблемы расширения внешней торговли, притока передовой зарубежной техники и связанные с этим вопросы кредита, внешней задолженности и соглашений о сотрудничестве. Эти вопросы для советского руководства приобретут большую важность в 80-х годах. Рассматривают ли советские вожди поставки зарубежной техники и экономическое сотрудничество с передовыми странами Запада как временное явление или как долгосрочное обязательство? На это нельзя дать точного ответа, потому что это зависит частично от того, сможет ли СССР остановить падение роста производства с помощью внутренних ресурсов (весьма маловероятная перспектива, даже при условии крупных экономических реформ), и частично от надежности западной политики и той цены, которую придется заплатить за соглашение о сотрудничестве.

Значение зарубежной техники и технологии для советского руководства выходит далеко за пределы ее объективной стоимости и упирается в широко распространенное заблуждение, что рассеянная по стране западная техника окажет значительное стимулирующее влияние на советский технический про-

гресс без каких-либо крупных реформ. Потребность в зарубежной технике и технологии и, особенно, еще гораздо большая нужда в кредитах в трудное грядущее десятилетие не являются сами по себе достаточными или первостепенными факторами, определяющими будущую советскую внешнюю политику. Однако через механику внутреннего политического процесса эти нужды будут оказывать дополнительное давление в пользу восстановления детанта с США, а также сохранения и расширения экономических отношений с европейскими союзниками Америки.

В-пятых, внешние авантюры могут оказаться следствием борьбы в верхах за захват власти в условиях экономического застоя. Претенденты на власть обычно выдвигают программы для сколачивания союза с различными группами элиты. Такие программы и союзы часто оказываются временными и носят тактический характер. В перспективе ни один вождь не может надеяться, что он, захватив власть, удержит ее, не сформулировав мер для разрешения серьезных экономических проблем страны. В период, когда для фундаментального улучшения экономической ситуации нет ресурсов, лидер может сплотить вокруг себя последователей, используя подвернувшуюся возможность вязаться во внешнеполитическую авантюру. Такая перспектива вероятна, поскольку все соперники в борьбе за трон будут добиваться поддержки ключевой группы, а именно — военной верхушки.

В-шестых, международный климат может пострадать, если для решения внутренних политических и экономических проблем станут усиливаться средства принуждения. Одной из таких мер может быть попытка возродить атмосферу осажденной крепости для сплочения населения вокруг жупела внешних врагов и разжигания в народе ксенофобии. Суровые условия и нужда, которые воцарятся в СССР в следующем десятилетии, не будут способствовать настроениям детанта. И это станет важным фактором, определяющим поведение Советов на международной арене, особенно в отношениях с США и Китаем.

* * *

Каждый период советской истории и каждое десятилетие советского строительства выдвигают перед советскими вождями новые дилеммы и альтернативы. Дилеммы и альтернативы 80-х годов будут для советских лидеров жестче и слож-

нее, чем за весь период со дня смерти Сталина. Во всех областях внутренней, военной и внешней политики Советский Союз стоит на распутье. Пока что советская политика движется с инерцией, унаследованной от 70-х годов. Однако мы можем ожидать, что в 80-е годы эта инерция будет прервана и начнет складываться новая советская политика.

СОВЕТСКАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Ричард Пайнс

При консультировании американского правительства по вопросам советской политики исключительно трудно убедить государственных деятелей в том, что Советский Союз не является обычной великой державой, использующей благоприятные возможности, когда таковые предоставляются, для своего постоянного расширения. Вряд ли хоть одно экспансионистское государство в истории когда-либо действовало в такой откровенно случайной манере, и уж, конечно, этого не делает Советский Союз. Режим, который с первых дней своего существования объединил политику, экономику, милитаризм и идеологию, не строит и не может строить свою внешнюю политику целиком на пассивном принципе ответных действий, не может не иметь всеохватывающей стратегической концепции. Эта статья является расширенным вариантом лекции, прочитанной мной в январе 1979 года в Лиссабоне в качестве гостя португальского Министерства иностранных дел.

* * *

В начале 1980 года в своем ежегодном докладе Конгрессу президент Картер обратился к советскому руководству со следующими словами:

Советский Союз должен дать ответ на некоторые основные вопросы: Намерен ли он содействовать становлению устойчивого международного порядка, в условиях которого и он сможет преследовать свои собственные законные и миролюбивые интересы?

бывшие интересы? Или же он намерен продолжать наращивать свою военную мощь, абсолютно несоразмерную законным нуждам национальной безопасности, используя эту мощь для колониальных захватов?

Тот факт, что президент Картер может серьезно задавать подобные вопросы после шестидесяти с лишним лет существования советской власти, означает, что, возможно, он и осознал, что советские лидеры лгут, но еще не понял, что они из себя представляют и к чему стремятся.

Потратив несколько вечеров на изучение стандартного учебника марксизма-ленинизма и хорошего труда по истории коммунистической партии Советского Союза, президент получил бы ответы на интересующие его вопросы и смог бы избежать в дальнейшем ряда дорогостоящих ошибок, от чего мы бы все только выиграли.

Президент быстро бы уяснил (говорят, он — весьма способный ученик), что, во-первых, в случае Советского Союза «законные» интересы не являются синонимом «миролюбивых» или «оборонных» интересов; во-вторых, что в силу коренных идеологических, политических и экономических причин советское руководство неспособно «содействовать становлению устойчивого международного порядка»; и, наконец, что «законные нужды национальной безопасности» Советского Союза диктуют необходимость «колониальных захватов».

Объяснение этих фактов следует искать не в злой воле советских руководителей, а в том, что они сами — жертвы системы, которую изменить не в их власти, разве что ценой разрушения всей системы. Чем быстрее руководители нашей внешней политики прекратят невыносимые нравственные поучения и осознают сущность режима, который судьба выбрала нам в противники, тем лучше будет для всех нас. Ниже следуют элементарные ответы на вопросы, поставленные президентом.

Начнем с идеологических установок, лежащих в основе советской внешней политики. Марксизм-ленинизм по самой своей природе является воинствующей доктриной. Это дитя эпохи социального дарвинизма, который рассматривает историю человечества как историю непрерывной классовой борьбы и отстаивает необходимость классовой войны как средства для того, чтобы раз и навсегда покончить с существованием классов и эксплуатации человека человеком. Та

«устойчивость», о которой говорит президент и которая в его понимании является целью любой внешней политики, согласно этой доктрине может быть достигнута только *после* того, как будет ликвидирован капитализм. Для ликвидации же капитализма требуется длительный период нестабильности, включая международные войны, которые по Ленину неизбежно сопутствуют капитализму.

Во-вторых, марксизм-ленинизм является интернациональной доктриной. Согласно этой доктрине, каждый этап развития человечества глобален по своему масштабу и не может ограничиваться (разве что временно) рамками отдельного государства. Не может он обеспечиваться и «законными нуждами национальной безопасности» отдельного государства. Интернациональная или, скорее, наднациональная сущность этой доктрины выражена в основном лозунге коммунизма, неизменном с 1847 года, — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». В 1917 году большевики (равно как и эсеры с меньшевиками) боролись не за изменение существующего строя в России, а за всемирную революцию. Характерно, что одна из первых деклараций петроградского Совета (тогда уже прочно контролировавшегося «умеренными» социалистами) в марте 1917 года была обращена к «народам всего мира» и призвала их освободиться от гнета «правящих классов». Ни Ленин, ни его преемники никогда от этой позиции не отрекались.

Разумеется, можно оспаривать роль идеологии, возражая, что история знает примеры наднациональных движений, которые поначалу тоже претендовали на универсальность, а позднее удовлетворялись более скромной ролью: достаточно вспомнить ислам и некоторые другие религии. Однако самоограничение такого рода всегда было следствием сопротивления универсальному движению, которое оно было не в состоянии преодолеть. Помимо этого, коммунизм представляет собой не только своеобразную религию, но также и программу действий мощного секулярного государства. Именно сплав универсальности исторической доктрины с максимально приземленными устремлениями империалистической державы придает глобальным амбициям коммунистической России такую силу. Ибо за возвышенными идеалами бесклассового общества скрывается весьма грубая корысть правящей элиты, в них она находит обоснование своей власти и привилегий.

Наиболее горькой истиной, с которой советское руководство сталкивается повседневно и на всем протяжении своего существования, является то, что оно не располагает общепризнанным законным правом на власть. Оно не может опираться ни на древнюю традицию, ни на авторитет здравствующего харизматического вождя. Это собрание бесцветных, мертвой хваткой держащихся за власть чиновников прикидывается, будто имеет основанием своей власти волю народных масс, и в подтверждение этого время от времени инсценирует пародию на выборы. Однако ритуал выборов без возможности выбора может обмануть лишь простаков. Тот мандат на власть, на который может реально претендовать большевистский режим, исходит лишь из истории, из утверждения, что режим этот представляет авангард великих сил прогресса, призванных совершить последнюю социальную революцию в человеческой истории. Стоит только отказаться от этой претензии (а это стало бы неизбежным, признай советская элита неизбежность существующего международного статус-кво и границ сфер влияния), как сразу же встанет вопрос о законности власти. Действительно, кто дал коммунистической партии Советского Союза право монопольно распоряжаться политической властью в стране и всеми ее человеческими и материальными ресурсами, если не богиня истории, которая призвала эту партию к самой благородной миссии, когда-либо возложенной на человека? Вот почему режим обязан непрерывно самоутверждаться как внутри, так и вовне, он должен побеждать или по крайней мере создавать видимость непрерывных побед над «капитализмом», чтобы поддерживать иллюзию неумолимого движения вперед его великой миссии. В противном случае режиму грозит пересмотр его политических полномочий и, как результат, возможность их утраты.

В дополнение к универсальной идеологии и ординарным корыстным политическим интересам правящей элиты советский экспансионизм имеет прочные корни в русской истории. В силу вековой российской бедности, обусловленной неблагоприятным климатом, низким плодородием почвы и некоторыми другими факторами, Россия никогда не могла обеспечить своему населению уровень жизни, нормальный для районов с более благоприятными условиями. На протяжении всей своей истории русские постепенно колонизировали территории северной тайги, прилегающие к российским грани-

цам, — когда мирным путем, а когда и путем захвата. Из всех европейских стран Россия отмечается не только самой древней и наиболее последовательной традицией имперской экспансии, но и наибольшим упорством в удержании захваченных земель.

Таким образом, идеология, реальность политической борьбы, экономическая необходимость, и историческая традиция, дополняя друг друга, постоянно побуждают Россию к внешним завоеваниям. Каждая вновь захваченная территория объявляется частью национального «достояния» и рано или поздно включается в состав метрополии. Завоеванная территория требует создания «буфера» для защиты ее от реальных или воображаемых врагов до тех пор, пока этот «буфер» не объявляется частью русской земли, в свою очередь требующей нового «буфера» для своей защиты.

* * *

Казалось бы, теория детанта, развиваемая советским режимом с середины 50-х годов, противоречит утверждению, что экспансионизм и международная классовая война являются неотъемлемой частью русского коммунизма. В том виде, в каком она подается Западу (в самой России вопрос толкуется совершенно иначе), теория, призывающая к мирному сосуществованию различных общественных систем, как будто признает путь ненасильственной эволюции и конечную цель в виде «конвергенции». В действительности детант — это не более чем тактическое приспособление общей стратегии, не противоречащее описанным выше принципам. Чтобы разъяснить, почему это именно так, надо в нескольких словах описать основные черты коммунистической политики, как они определены Лениным и развиты его последователями.

Историческое достижение Ленина состоит в том, что он милитаризовал политику. Кто-то метко заметил, что он перевернул Клаузевица с ног на голову, превратив политику в продолжение войны другими средствами: главная цель — война, политика — только средство, а не наоборот. Политическая стратегия и тактика определяются чисто военной оценкой того, что известно под названием «соотношение сил». Это понятие в коммунистической теории охватывает не только факторы, включаемые по западной терминологии в концепцию «равновесия сил», но также экономический потенциал,

социальную стабильность и общественное мнение, то есть факторы, которые, не будучи военными в точном смысле слова, тем не менее в значительной мере определяют способность страны вести войну.

С этой точки зрения вопрос о том, продолжать ли наступление на «классового врага», будь то враг внутренний или внешний, или же временно отступить, решается на основании трезвой оценки соотношения сил. В своем докладе о внешней политике (на совместном заседании ВЦИК и Моссовета 14 мая 1918 г.) Ленин повторил, что «окончательно победить можно только в мировом масштабе», и предупредил своих последователей не бросаться очертя голову в битву независимо от обстоятельств. Как сказал Ленин:

Мы имеем перед собой большой опыт революции и мы научились из этого опыта тому, что нужно вести тактику беспощадного натиска, когда объективные условия это позволяют, когда опыт соглашательства показал, что массы возмущены, и что натиск будет выражением этого поворота. Но нам приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному собиранию сил, когда объективные обстоятельства не дают возможности делать призыв ко всеобщему беспощадному отпору.

С точки зрения советского руководства явления, которые Запад именует «холодной войной» и «детантом» и рассматривает как взаимоисключающие, представляют собой не более чем тактические варианты одной и той же стратегии, используемые поочередно в зависимости от «объективных обстоятельств». Тактика разрядки, пущенная в ход в середине 50-х годов, была продиктована подавляющим ядерным превосходством Запада, дававшим ему возможность уничтожить большую часть Советского Союза. Это последнее обстоятельство, ни в коей мере не отменяя необходимости продолжать мировую классовую борьбу, тем не менее вынуждало внести коррективы в военные планы: избегать прямой конфронтации и отдавать предпочтение косвенным политическим методам военных действий — по крайней мере до тех пор, пока не удастся нейтрализовать американскую ядерную угрозу.

Конечной целью советской глобальной политики, разумеется, является мир, в котором уничтожена частная собственность на средства производства, а существующие государства с небольшими вариациями являются копиями Совет-

ского Союза. Только в таком мире правящая советская элита будет, наконец, чувствовать себя уверенно и спокойно.

Эта цель не требует, как это иногда полагают, физической оккупации Советским Союзом всего мира — такая задача не по плечу даже громадной советской армии и силам безопасности. Термин «гегемония» с большой точностью обрисовывает тот тип мирового порядка, которым советское руководство вполне удовлетворится. Эта концепция — греческого происхождения и первоначально использовалась для описания преобладающей позиции того или иного города-государства, в первую очередь преобладания македонского царства над Элладой. Обладание «гегемонией» не означало в древности, равно как оно не означает в настоящее время, физического захвата другой страны, а скорее подчеркивает способность гегемона утверждать свои интересы в границах территории, над которой провозглашается гегемония, путем угрозы принуждения или, если это не дает желаемого результата, путем непосредственного применения силы. Великобритания обладала гегемонией над значительной частью мира в XIX столетии, в таком же положении находились Соединенные Штаты в период между концом второй мировой войны и уходом из Вьетнама. Германия развязала две мировые войны с целью добиться гегемонии в Европе. Советский министр иностранных дел Андрей Громыко сжато изложил конечную цель советской политики в речи на XXIV съезде КПСС в 1971 году, когда он хвастливо, хотя и несколько преждевременно, заявил: «Сегодня в мире нет такого серьезного вопроса, который решался бы без участия СССР или *вопреки его интересам*». В заявлении подразумевается, что советские интересы не могут не быть глобальными по масштабу и не могут ограничиваться пределами только советского государства или даже блока государств. Не стоит и говорить, что, выступи с такой претензией Соединенные Штаты, она была бы немедленно и с возмущением отвергнута советскими руководителями (вкуче с американскими либералами) как проявление самого разнузданного империализма. Это лишь один из многочисленных примеров того, как Советский Союз устанавливает односторонние правила международной политики, целиком в свою пользу.

Если политика является продолжением войны, то она требует стратегического плана. Стратегия, используемая для достижения глобальных целей, должна быть глобальной и не

может ограничиваться сугубо военными приемами — она должна включать все возможные средства. Стратегия этого типа получила название тотальной, и понятно, что тоталитарному государству гораздо легче ее осуществить, чем государству демократическому. Советский Союз на самом деле был с самого начала нацелен Лениным на ведение тотальной войны, и именно с этой целью советское правительство захватило монополию на государственную власть и национальные ресурсы. В Советском Союзе существует механизм вертикальной и горизонтальной интеграции, который не только позволяет, но и вынуждает руководство этого гигантского политического конгломерата проводить скоординированную внутреннюю и внешнюю политику. Хозяева Советского Союза добиваются такой степени слияния политики, экономики и пропаганды (идеологии), которая немыслима на Западе, где все эти сферы контролируются разными группами и тянут в разные стороны.

* * *

Я хотел бы кратко остановиться на составных частях советской тотальной стратегии. Ограниченный объем статьи вынуждает оставить за рамками обсуждения многие аспекты и нюансы советской *политической* стратегии. Однако ее основополагающий принцип можно сформулировать предельно ясно: полагаться не столько на своих естественных союзников (компартии других стран и их «фронты»), сколько на временных союзников, отколотых от лагеря противника под тем или иным лозунгом (например, национализм, «борьба за мир», «расизм», «антисионизм» и т.д.). Эта тактика, разработанная революционной оппозицией в царской России, на редкость успешно используется в области современных международных отношений. Ее суть лучше всего сформулировал сам Ленин. В 1920 году коммунистический вождь столкнулся с критикой своей осторожной внешней политики со стороны горячих голов в Третьем Интернационале, настаивавших на открытой атаке против всего капиталистического Запада. Ленин был предельно откровенен:

...вся история большевизма, и до и после Октябрьской революции, полна случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями!

Вести войну за свержение международной буржуазии,

войну во сто раз более трудную, длительную, сложную, чем самая упорная из обыкновенных войн между государствами, и наперед отказываться при этом от лавирования, от использования противоречия интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешная вещь?..

После первой социалистической революции пролетариата, после свержения буржуазии в одной стране, пролетариат этой страны надолго остается слабее, чем буржуазия...

Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного.

Эта политика в значительной мере обязана своим успехом тому обстоятельству, что «международная буржуазия» не только отказывается замечать махинации, скрывающиеся за завесой советской примирительной политики, но уверена в своей способности ловить рыбу в мутных политических водах Советского Союза, выискивая в Кремле несуществующих «голубей» и равно выдуманнных «ястребов».

Советский экономический арсенал слишком скуден, чтобы служить главным оружием советской глобальной стратегии. Поэтому в своей экспансии СССР гораздо меньше полагается на капиталовложения и торговлю как средства расширения своего влияния, чем другие великие державы в классическую эпоху современного империализма. Советское экономическое влияние осуществляется главным образом через посредство военной и экономической помощи, продуманно распределяемой среди стран, оцениваемых прежде всего по степени их стратегической важности. Помощь этого типа создает всевозможные формы зависимости, включая согласие клиента допустить в страну коммунистический административный персонал. Очень поучительно проанализировать статистику советской экономической помощи странам Третьего мира, по-

сколько цифры показывают, как Москва оценивает сравнительную важность отдельных стран. По размерам этой помощи на душу населения начиная с 1954 года первое место занимают Южный Йемен и Афганистан. В последнее время СССР и страны советского блока вкладывают большие средства в Турцию, являющуюся членом НАТО, и в Марокко. Увеличение советской помощи обычно указывает на рост стратегической заинтересованности Москвы в данном районе. Судя по этому признаку, таким районом в последние годы является Средиземноморье.

В своих отношениях с развитыми индустриальными странами Советский Союз крайне ограничен в использовании экономических средств, но он все же добился того, что Япония и Западная Европа в значительной степени завязят от его доброй воли.

Одним из средств воздействия на индустриальные страны являются долги, сделанные странами советского блока на Западе в период разрядки. Сегодня (в 1981 году) эти долги оцениваются в 77,1 миллиарда долларов, причем четверть этой суммы приходится на долю Советского Союза, остальное — долги стран Восточной Европы. Внешнеторговая задолженность Советского Союза не особенно велика, если учесть его естественные ресурсы и золотой запас. Но этого нельзя сказать о «странах народной демократии», таких, например, как Польша, чья внешняя задолженность превосходит суммарный долг Советского Союза. Западные банкиры с готовностью предоставляли Восточной Европе громадные суммы в расчете на то, что в случае затруднений долги будут оплачены Советским Союзом. При этом они посчитали возможным игнорировать официальные советские заявления, отвергающие любые обязательства подобного рода. Позиция Москвы по этому вопросу, в очередной раз подтвержденная на недавней конференции Восток-Запад в Вене, состоит в том, что «каждая страна должна выплачивать свои собственные долги». Займы такого масштаба заставляют западных банкиров пекся об экономическом благосостоянии своих восточно-европейских должников и добиваться их благосклонности. Таким образом, они превратились в пленников детанта, которые не обращают внимания на взимаемую с них политическую плату.

Другим экономическим оружием являются источники энергии. Значение этого фактора советские руководители осознавали задолго до западных. В дополнение к захвату позиций,

позволяющих перекрыть поток ближневосточной нефти (о чем ниже), СССР стремится поставить Европу и Японию в прямую зависимость от советских поставок энергетического сырья, в первую очередь — природного газа. С этой целью СССР установил практику возмещения затрат на прокладку трубопроводов иностранными концернами поставками газа. Западная Германия уже сейчас покрывает свои нужды в природном газе на 16% за счет советского газа, и, если ведущиеся сейчас переговоры о развитии сотрудничества в этой области увенчаются успехом, степень зависимости Западной Германии еще больше возрастет. К чему это ведет, было видно в октябре 1973 года, когда СССР внезапно приостановил поставки газа крупнейшей западногерманской энергетической фирме «Веба», видимо, в попытке принудить ФРГ не поддерживать израильскую политику Вашингтона.

Вообще перечень средств, которые Советский Союз использует в своей глобальной стратегии, весьма обширен и разнообразен. Он включает даже такие, казалось бы, далекие от политики, обстоятельства, как семейные связи. Расширение контактов между родственниками, разделенными границами между Восточной и Западной Германиями, последовавшее за соглашением 1970-71 года, используется коммунистами в политических целях. Возможность расстройства этих контактов часто используется Бонном как сильный довод в пользу сохранения разрядки.

* * *

Главное место в советской стратегии отводится чисто военному фактору. Советский империализм (это относится и к империализму царской России) представляет собой в первую очередь милитаристское явление, и по мере возрастания его военной мощи, как абсолютной, так и относительной в сопоставлении Западу, он оттесняет на задний план политические трюки, на который режиму ранее приходилось полагаться. Все чаще советские представители подчеркивают, что соотношение сил в мире изменилось в пользу СССР, и это они считают решающим фактором в современном мире. Все чаще можно услышать похвальбу, будто СССР способен сорвать попытки Америки дать отпор советским действиям.

Людам, много слышавшим о низком уровне жизни и неэффективности экономики СССР, трудно поверить, что такая

страна может представлять серьезную военную угрозу Западу. Они не дают себе труда понять, что богатство и техническая развитость, т.е. области, где пальма первенства бесспорно принадлежит Западу, сами по себе не обеспечивают военной мощи, если только они не поставлены на службу интересам обороны. Не учитывают они и того, что даже относительно бедная страна при наличии достаточной индустриально-технической базы способна серьезно угрожать своим соседям, если решит подчинить необходимые ресурсы военным целям. В то же время Япония, ведущая технико-экономическая держава, решила отказаться от создания вооруженных сил, соответствующих ее экономической мощи, и целиком положиться на американскую военную защиту. В результате японские вооруженные силы вдвое меньше по численности и несопоставимы по боевым качествам с армией Израиля, страны с населением в 30 раз меньшим, чем Япония, и с валовым национальным продуктом, составляющим 1/40 японского. Что же касается низкого уровня жизни в Советском Союзе, то разве не очевидно, что когда страна, располагающая огромной промышленной базой, неспособна удовлетворять бытовые нужды своих граждан, то причиной является не недостаток производственных мощностей, а намеренный и последовательный отвод ресурсов на иные цели? Другими словами, низкий уровень жизни населения говорит не о неспособности Советского Союза угрожать нам, а как раз об обратном.

Россия всегда затрачивала непропорционально большую часть своих ресурсов на содержание армии. При Петре I, например, на это уходило 9/10 бюджета страны. Мощная армия обеспечивала возможность захвата новых территорий для растущего русского населения и поддержания порядка внутри империи. Царизм очень хорошо понимал, что международное влияние России в значительной степени зависит от ее способности угрожать большим и малым странам, расположенным вдоль протяженных русских границ.

Главная слабость дореволюционной русской армии происходила от недостаточной промышленной и транспортной базы, решающее значение которой наряду с некоторыми другими факторами невоенного характера выяснилось в ходе первой мировой войны. Ее уроки были хорошо усвоены большевиками, которые с восхищением взирали на выдающиеся военные успехи немцев. Захватив власть, большевики осуще-

ствили меры мобилизации тыла, впервые примененные в Германии, но еще более эффективные в условиях советской России благодаря отмене частной собственности и введению всеобщей государственной повинности. Сталинские пятилетки, шумно рекламировавшиеся как «шаги к социализму», были в действительности не в меньшей степени подчинены военным целям, чем гитлеровские четырехлетки.

Централизованный характер советского режима делает его в высшей степени приспособленным для целей военной мобилизации. При желании советское руководство может перебросить любое количество человеческих и материальных ресурсов нужного качества в военный сектор, бросив потребителя на произвол судьбы. В таких условиях чем мощнее индустриальная база, тем быстрее можно наращивать вооруженные силы, удерживая ассигнования на гражданские цели на относительно постоянном уровне и вкладывая весь прирост национального продукта в военный сектор экономики. И, конечно, при этом можно не опасаться ни непокорных законодателей, ни пытливой прессы, ставящей под сомнение целесообразность таких громадных военных расходов.

Вот почему ни разрядка, ни сопутствующие ей соглашения об ограничении вооружений, включая ОСВ-1, ни на йоту не затормозили бурного роста советских военных ассигнований. В недавнем докладе Вильяма Ли, специалиста с большим опытом работы в ЦРУ, подсчитывается, что за последние 10 лет, с 1970 по 1980 гг., доля советского валового национального продукта, поглощаемая оборонным сектором, возросла с 12-13%, возможно, даже до 18%. Затраты на военные цели будут выглядеть еще более внушительно в абсолютных цифрах, если учесть, что за это десятилетие в СССР происходил постоянный рост валового национального продукта. Кстати, за эти же годы (1970-1979) в США доля военных расходов снизилась с 7,5% до 4,6% валового национального продукта (с 85.1 до 65.0 миллиардов долларов, если рассчитывать в долларах покупательной силы по состоянию на 1972 год).

* * *

Хотя советская армия стремится догнать и перегнать США во всех видах вооруженных сил, главное внимание уделяется стратегическому ядерному оружию. Советские военные теоретики считают это оружие решающим средством ведения современной войны. Теоретические исследования и разведова-

тельные данные показывают, что советский генштаб не разделяет преобладающего в США убеждения, будто ядерное оружие может использоваться только как сдерживающий фактор. Можно с большой степенью вероятности утверждать, что в случае войны Советский Союз намерен использовать часть своего стратегического арсенала для нанесения сокрушительного превентивного удара, с тем чтобы сделать ответный американский удар самоубийственным или даже просто невозможным.

Упор на большие мощности межконтинентальных баллистических ракет в сочетании с их возрастающей точностью указывает на то, что Советский Союз настойчиво развивает средства для нанесения упреждающего удара.

Нежелание американских научных кругов, несущих значительную долю ответственности за разработку ядерной стратегии США, принимать всерьез советскую ядерную доктрину можно в лучшем случае оценить как проявление полной интеллектуальной и политической безответственности. В результате в течение предстоящего десятилетия все три составные части американской ядерной «триады» окажутся под растущей угрозой, что не только затруднит задачу противодействия советским агрессивным поползновениям, но вдобавок устранил те сдерживающие факторы, которые в первую очередь и вынудили Советский Союз встать на путь разрядки. Когда ядерное равновесие будет решающим образом нарушено, экстренные программы перевооружения США, вероятно, натолкнутся на сопротивление тех самых поборников односторонней сдержанности, по чьей вине равновесие было поколеблено, причем ссылаться при этом они будут на то, что в создавшейся ситуации любой резкий шаг будет иметь «дестабилизирующий» эффект и может спровоцировать Советский Союз на превентивный удар.

Приверженность Советского Союза к процессу так называемого «ограничения вооружений» никоим образом не противоречит советской доктрине первого удара. Как стало очевидно за годы, истекшие с 1972, ОСВ-1 не оказал скольконбудь значительного влияния на развитие советского стратегического наступательного потенциала. То же самое можно сказать и о ОСВ-2, который в случае ратификации окажет лишь минимальное влияние на состояние советских вооруженных сил, в то же самое время тормозя, а в некоторых случаях затрудняя развитие важнейших оборонных средств

США (таких, например, как крейсирующие ракеты дальнего радиуса действия и защитные шахты для ракет «Минитмен»). По видимости приняв на вооружение на период переговоров американскую доктрину «гарантированного взаимного уничтожения», Советский Союз весьма малой ценой резко затормозил развитие оборонного потенциала Соединенных Штатов.

Ядерные ракеты, однако, имеют не только военное значение. Они с равным, а возможно, даже большим успехом используются советскими руководителями как сильнейшее средство политического и психологического давления, поскольку сама мысль о растущем советском ядерном арсенале наполняет влиятельные западные круги страхом и вселяет в них дух уступок. Стоит только укорениться точке зрения, что защиты от ядерного оружия не существует, как сразу же становится логичным поставить во главу угла внешней политики стремление избегать разногласий с ядерным противником. Соображение, высказанное Джонатаном Бингэмом, конгрессменом из Нью-Йорка, является типичным для такого рода мышления:

Прежде всего мы должны помнить, что СССР остается одной из двух сверхдержав, т.е. единственной державой в мире, которая способна нас уничтожить. Поэтому сохранение хороших отношений с СССР является нашей высшей задачей.

Сомневаюсь, хорошо ли вдумался конгрессмен в смысл своих слов. Потому что по существу он призывает подчинить все наши национальные интересы, равно как и наши идеалы свободы и прав человека и вообще все, что большинство из нас считают «высшим», одной цели — самосохранению. Иными словами, он призывает искать примирения со страной, которая может нам в этом отказать. (И всегда только мы. В этом высказывании совершенно не упоминается, что и СССР должен был бы стремиться к компромиссу с США, поскольку мы — единственная держава, которая может уничтожить Советский Союз.) Когда такой образ мыслей становится господствующим, страна утрачивает свободу действий в целях самозащиты. Психологически она уже выбросила белый флаг капитуляции и недвусмысленно дает это понять противнику. Нетрудно представить, какой должна быть реакция советских руководителей. Подобные заявления буквально

толкают их на дальнейшее наращивание своей ядерной мощи на том основании, что чем выше теоретическая возможность уничтожить США, тем сильнее там будут раздаваться голоса, требующие возвести компромисс с Советским Союзом в ранг высшей цели национальной политики.

* * *

Советская глобальная стратегия в целом реализуется посредством многочисленных и непрерывных нажимов, осуществляемых в самых разных точках планеты и притом в такой запутанной последовательности, которая затрудняет выявление единого плана и заставляет некоторых наблюдателей толковать ее как простое использование подворачивающихся возможностей. Но это не так. Используя шахматную аналогию, можно сказать, что оборона Советского Союза строится на защите ферзя размещенными вокруг него фигурами — ядерными ракетами. Подобным же образом территориальная стратегия СССР нацелена на Короля противника, т.е. на Соединенные Штаты. Ибо США — единственная страна достаточно богатая и могущественная, чтобы расстроить советские планы. Поражение или хотя бы изоляция «цитадели мирового империализма» сделает остальной мир легкой советской добычей. Мир, в котором США не имеют веса, автоматически подпадает под советскую гегемонию. Поэтому вытеснение США столь же важно для СССР, как разрушение Карфагена для Рима.

В отличие от Рима, СССР не может полностью достичь своей цели с помощью ряда пунических войн. Военный конфликт с ее главным противником является наименее приемлемой из доступных Москве альтернатив, потому что ядерный арсенал США никак не может быть подавлен полностью и США всегда будут сохранять способность, независимо от баланса сил, нанести сокрушительный ответный удар. Поэтому во всех областях, кроме идеологической, которой США не придают значения и где по этой причине Советский Союз может безнаказанно вести самую разнузданную антиамериканскую кампанию, в борьбе против США Москве приходится прибегать к непрямым формам скрытого подрыва американской безопасности.

Эта цель может быть достигнута легче всего путем отрыва от Соединенных Штатов Европы и Японии и вовлечения их в советскую орбиту. Присоединение западноевропейского и

японского промышленных потенциалов к потенциалу советского блока немедленно и коренным образом изменило бы мировое соотношение сил в пользу последнего. Цифры говорят сами за себя. Валовой национальный продукт стран Варшавского пакта в 1977-78 году составлял 1 триллион долларов, Соединенных Штатов — 2 триллиона, Западной Европы — свыше 2-х триллионов, Японии — около 1 триллиона. Таким образом, нынешнее соотношение экономических сил в пользу Запада — в пропорции 5 к 1. Но оно немедленно стало бы 4:2 в пользу советского блока, если бы рухнул союз США с Японией и Западной Европой. Даже если допустить 50%-ное снижение производительности в Европе и Японии как результат такого разрыва (утверждают, что под советским господством Сахара стала бы быстро ощущать нехватку песка), Москва все равно оказалась бы как минимум на равных с Соединенными Штатами.

Однако прямое нападение на Европу или Японию рискованно. Они защищены значительными контингентами американских войск и американским ядерным арсеналом. Стало быть, и здесь приходится отдавать предпочтение косвенным методам. Словно ведя осаду средневековых замков в эпоху до изобретения пороха, Советский Союз систематически стремится отрезать Японию и Западную Европу от источников припасов и подкреплений из США, горючего и сырья — из Южной Африки и Ближнего Востока.

В случае войны будет создан гигантский морской и воздушный мост для доставки войск и припасов из Соединенных Штатов на европейский фронт. Для пресечения этого потока Советский Союз создал мощные военно-морские силы с упором на подводный флот, сконцентрированные в портах Кольского полуострова. На этот флот будет возложена задача выйти в Атлантику через проходы между Исландией, Фарерскими островами и Англией и начать наносить удары по американским морским караванам.

* * *

Эта военно-морская стратегия обеспечивается политически постоянным советским нажимом на скандинавские страны — иногда непосредственно, иногда через Финляндию. Под давлением со стороны СССР Норвегия и Дания в течение долгого времени отказываются от размещения войск и ядерного

оружия НАТО на своих территориях. Эта линия самоотказа в настоящее время стала частью статус-кво, за сохранением которого СССР зорко следит и изменение которого вряд ли допустит. В Финляндии прокладываются автострады в сторону Норвегии, из чего следует, что в случае конфликта Советский Союз нанесет быстрый удар с целью захвата норвежских портов и авиабаз, как это сделал Гитлер в 1940 году. Швеция, не принадлежащая к НАТО, бомбардируется обвинениями в том, что она якобы не соблюдает нейтралитет. Явно уступая советскому политическому нажиму, Швеция согласилась предоставить СССР плавучий сухой док для обслуживания громадного авианосца, строящегося в этой стране. Советская активность подобного рода в Скандинавии почти не привлекает внимания американской прессы, хотя в стратегическом плане она угрожает Европе не намного меньше, чем широко освещаемая угроза нефтяным коммуникациям. 9/10 американских военных поставок на европейские фронты должны будут идти морем, в силу чего серьезная советская угроза североатлантическим морским путям значительно повлияет на операции в Европе. (Согласно показаниям недавно вышедшего в отставку командующего Атлантическим флотом адмирала Айзика Кидда, военно-морские силы НАТО смогут удержать контроль над североатлантическими морскими коммуникациями, но лишь ценой громадных потерь.)

Второе советское щупальце протянулось к Ближнему Востоку, чтобы в случае войны немедленно перехватить сырье и горючее, без которых не сможет функционировать экономика союзников США. Осуществить свои цели в этом районе Советскому Союзу сложнее, чем на севере, хотя бы потому, что советская армия не имеет здесь морских и воздушных баз, но интенсивность усилий выдает стратегический замысел. В течение ряда лет советские силы стягивались к трем важнейшим стратегическим точкам, через которые проходит ближневосточная нефть на пути в Европу и Японию. Одна из таких точек — Баб-эль-Мандебский пролив, перекрывающий подступы к Красному морю и Суэцкому каналу. В случае войны советские и просоветские силы, дислоцированные в Южном Йемене и Эфиопии, несомненно, попытаются захватить этот пролив. Дальше к востоку лежит Ормузский пролив — ворота Персидского залива. Советский Союз пока далек от того, чтобы установить свой контроль над Ормузским проливом, но следует отметить, что оккупация Афганистана

позволила советской авиации вдвое сократить (с 1.100 до 550 км) расстояние до этого пролива. Наконец, в районе Юго-Восточной Азии благодаря существованию дружественного Вьетнама Советский Союз вплотную подобрался к Молуккскому проливу — главной нефтяной артерии, питающей Японию. Зависимость Западной Европы и Японии от южноафриканских полезных ископаемых, о которой как-то меньше говорят, чем о зависимости от ближневосточной нефти, тем не менее весьма существенна. Союзники Америки покрывают значительную часть своих потребностей в марганце, хrome, платине и ванадии за счет поставок из Зимбабве и Южной Африки. Активная поддержка, оказываемая Советским Союзом всем так называемым «национально-освободительным движениям» в Африке южнее Сахары, быстрое использование возможностей, представившихся благодаря развалу португальской колониальной империи, указывают на явное намерение лишить Запад этих сырьевых источников.

* * *

Обходное наступление на Западную Европу через Африку и Ближний Восток приводит СССР в соприкосновение со странами Третьего мира и требует выработки политической стратегии в отношении этих стран. В первые годы после смерти Сталина Советский Союз опирался на союзы с так называемыми «национально-буржуазными» движениями, т.е. движениями, разделявшими с Советским Союзом ненависть к «капиталистическому» и «империалистическому» Западу, не будучи прокоммунистическими или социалистическими. Они обеспечивали тот тип «временных» союзов, использование которых рекомендовал Ленин. Эта политика состояла в использовании антизападных и антиколониальных настроений харизматических национальных лидеров (кое-кто из которых замарал себя сотрудничеством со странами Оси) в борьбе против западных влияний, которые сохранялись даже после того, как формальные колониальные связи были разорваны.

Эта стратегия в целом себя не оправдала. Власть лидеров Третьего мира, которых Советский Союз взращивал и щедро поддерживал, не имела достаточно широкой опоры, что делало их весьма ненадежными союзниками. Внезапная смерть или удачный заговор могли в мгновение ока изменить политический климат в стране, превратив ее из дружественной во

враждебную. При этом вылетали в трубу миллиарды рублей. Такие нежелательные перемены произошли в 1965 году в Индонезии со свержением Сукарно и годом позже в Гане с устранением Нкрумы. Еще более неприятными были последствия политической переориентации Садата после войны 1973 года, в которой Советский Союз оказал ему неопенимую помощь. С того момента, как Садату стало ясно, что не Советский Союз, а Соединенные Штаты могут вырвать у Израиля нужные ему уступки и что условием американской поддержки является антисоветская позиция, дни советского влияния в Египте были сочтены. Москве оставалось лишь беспомощно взирать на то, как ее громадные вложения в Египет пропадают зазря.

Измена Египта была самым тяжелым поражением советской политики в Третьем мире. Египет был опорной осью советской ближневосточной стратегии, военно-политической базой, которую Москва надеялась использовать для проникновения в восточную Африку и на Аравийский полуостров. Египту оказывалась щедрая помощь. Ради спасения египетской армии от неминуемой катастрофы Советский Союз пошел на серьезную конфронтацию с Соединенными Штатами. И все разлетелось в прах, как только «буржуазно-националистический» диктатор решил поменять союзников.

После провала в Египте Москва, видимо, предприняла переоценку своей стратегии в Третьем мире, и результаты переоценки налицо. Новая стратегия переносит акцент с «буржуазно-националистических» лидеров типа Сукарно, Нкрумы или Садата на менее значительные фигуры, политическое влияние которых целиком зависит от советской поддержки. Новые советские друзья в Третьем мире вроде Нето в Анголе, полковника Менгисту в Эфиопии, Тараки и Кармаля в Афганистане — это уже не национальные герои, располагающие хоть какой-то опорой в народе, а мелкие политиканы, зависящие от поддержки Москвы. При этом СССР не брезгает самыми грубыми гангстерскими методами, вплоть до «ликвидации» своими вооруженными силами или аппаратом безопасности, чтобы приводить таких людей к власти или устранять их, если они окажутся неподходящими. Для их поддержки в эти страны направляется огромный штат советских военных «советников», кубинских наемников и офицеров безопасности из СССР и Восточной Европы. После введения этих сил создается инфраструктура, достаточно защищенная от

внезапных изменений в местном руководстве. Благодаря присутствию советского, кубинского и восточно-европейского военного и полицейского персонала маловероятно, чтобы Ангола или Эфиопия смогли выскользнуть из-под советского контроля с той же легкостью, с которой это удалось сделать Индонезии и Египту. Чтобы еще сильнее укрепиться, Москва помогает своим марионеткам проводить массовое уничтожение политической оппозиции. Как стало известно от покойного Амина, за время своего краткого пребывания у власти правительство Тараки в Афганистане казнило 13 тысяч политических заключенных. Массовое уничтожение аналогичных масштабов было проведено и в Эфиопии.

* * *

Однако новая стратегия в Третьем мире при всей своей перспективности не лишена недостатков. Она вынуждает СССР брать на себя все более широкие обязательства и делает перспективу выхода страны из-под контроля еще более неприемлемой, как это подтвердили недавние советские действия в Афганистане. Здесь даже повышенной степени контроля при наличии послушной марионетки, окруженной советскими военными и полицейскими советниками, поддерживаемой путем массового истребления оппозиции, оказалось недостаточно, и пришлось идти на прямую оккупацию страны.

Сомнительно, чтобы Советский Союз осмелился на прямое проникновение в Карибский район, что он сейчас делает, если бы не счастливый случай. В 1962 году президент Кеннеди, как ему казалось, добился крупной дипломатической победы, согласившись гарантировать Кубе невмешательство со стороны США в обмен на вывод с этого острова советских баллистических ракет среднего радиуса действия. Эта гарантия оказалась настолько ценной для Советского Союза, обеспечив Москву надежной базой для политического подрыва и прямых военных действий в западном полушарии, что закрадывается подозрение, что Советы для того именно и установили ракеты на Кубе, чтобы вырвать у Америки такое соглашение. Куба обеспечивает хоть и ограниченные, но потенциально очень ценные воздушные и морские базы для советских вооруженных сил. Она также предоставляет войска и политические кадры для выполнения советских заданий на Ближнем

Востоке, в Африке и Центральной Америке. Куба — наиболее надежный союзник в Третьем мире. Во главе ее стоит маньяк, придумавший для себя некую «историческую миссию», при выполнении которой он должен опираться исключительно на советскую помощь.

Остается Китай. По отношению к этой стране, судя по всему, Советский Союз после некоторых колебаний выбрал оборонительную стратегию. На ранних стадиях конфронтации часть советского руководства, похоже, склонялась к необходимости быстрого превентивного удара по Китаю, но затем возобладали более трезвые головы. Перспектива войны против тоталитарной страны в отдаленном на тысячи километров районе, со слабым транспортным обеспечением не привлекала режим, который, если уж воевать, должен одерживать быстрые и решительные победы. Советский Союз располагает внушительной военной силой на Дальнем Востоке, но эти войска вряд ли предназначены для ведения наступательных операций. Китайские военные специалисты считают, что для создания реальной угрозы Китаю русские должны сконцентрировать вдоль границы армии численностью в 2-3 миллиона, что в несколько раз превышает численность воинских контингентов, в настоящее время размещенных на границе с Китаем. Советские ракетные силы также в основном нацелены на страны НАТО.

* * *

Чтобы расстроить советские стратегические планы, надо прежде всего признать тот факт, что они существуют. Мы должны освободиться от заблуждения, широко распространенного среди образованных и состоятельных кругов американского общества, будто действия Советского Союза продиктованы страхом, будто они — не более чем ответ на американские замыслы, будто Москва просто-напросто высматривает, где что плохо лежит, наподобие некоего международного карманника. Мы имеем дело с противником, которым движет не страх, а агрессивные импульсы, который, как правило, изобретательнее нас в области политической стратегии и точно намечает свои жертвы, причем всегда в расчете на длительную перспективу.

Во-вторых, очень важно преодолеть сложившееся отношение к ядерному оружию, которое делает нас все более безза-

щитными перед лицом изощренного психологического и политического шантажа. Когда-то у нас было подобное отношение к раку. Принято было считать, что одного упоминания этой болезни достаточно для ее появления. На деле же открытое обсуждение проблем рака позволило разработать методы ранней диагностики и лечения этой болезни, значительно снизив смертность от рака. Ядерное оружие является своего рода раком международной политики. Исходя из реальных, а не воображаемых опасностей, связанных с этим оружием, можно снизить риск ядерной войны и максимально сократить потери в случае, если она все-таки состоится. Если мы не будем готовы встретить эту опасность во всеоружии, растущее советское превосходство в области стратегического оружия поставит нас в положение, когда единственным выходом для нас окажется капитуляция перед советскими требованиями во всех случаях, когда они будут сопровождаться угрозой войны.

В-третьих, мы должны трезво оценить систему наших союзнических отношений, которая расстроена до такой степени, что кажется порой, что в ней нет никакой реальной пользы, кроме разве чисто психологической. НАТО давно уже напоминает улицу с односторонним движением: Соединенные Штаты обеспечивают безопасность Западной Европы от советской угрозы, а наши западно-европейские союзники не считают себя обязанными как-либо поддерживать Соединенные Штаты в их противодействии Советскому Союзу на других континентах. Это относится даже к Ближнему Востоку, где интересы Западной Европы затрагиваются даже более непосредственным образом, чем интересы США. Такое положение позволяет советскому руководству агрессивно действовать в странах Третьего мира, зная, что Америке придется здесь противостоять им в одиночку и подобные конфронтации можно использовать для вбивания клина между США и их союзниками.

В-четвертых, мы должны как можно быстрее восстановить нарушенное военное равновесие, особенно в области стратегических и военно-морских сил. Если Западная Европа и Япония предпримут равноценные шаги и если взаимные обязательства внутри нашего союза будут распределены более справедливо, чем сейчас, экспансия на Ближнем Востоке и в Африке будет обходиться СССР дороже и, следовательно, выглядеть значительно менее привлекательной.

Главная стратегическая цель Запада должна состоять в том, чтобы заставить СССР направить свою энергию внутрь — от завоеваний к реформам. Только остановив его экспансию, можно принудить советский режим обратиться внутрь и дать населению отчет в своих действиях. Новейшая русская история учит, что после всех крупных международных поражений — в Крымской войне, в русско-японской войне 1904-05 годов и в первой мировой войне — русское правительство оказывалось вынужденным под давлением внутренних сил расширять политические права граждан. Мы должны помочь населению Советского Союза призвать к ответу свое правительство. Более демократическая Россия будет менее экспансионистской, и, конечно, с ней будет проще сосуществовать.

РАЗМЫШЛЯЯ О ТЕРРОРИЗМЕ

Джеймс К. Уилсон

В течение более десяти лет правительство Соединенных Штатов, как и правительства большинства западных стран, хранило молчание по вопросу соучастия СССР в международном терроризме. Государственные деятели Германии и Италии предпочитали уходить от обсуждения проблемы, Центральное Разведовательное Управление отрицало наличие заграничных связей у итальянских Красных Бригад. Если когда-либо и заходила речь о терроризме, то лишь затем, чтобы осудить насилие, а также подчеркнуть, что необходимо устранить социальные причины, вызывающие «волнения», и обсудить политические «проблемы» за столом переговоров.

Доказательства того, что Советский Союз по меньшей мере поставлял значительное количество оружия и предоставлял тренировочные базы широкому кругу террористических организаций, появились около 1979 года, а с опубликованием в 1981 году книги Клэр Стерлинг «Сеть терроризма» приобрели такую убедительность, что стало весьма трудно (хотя, как мы увидим, не невозможно) их отрицать. К власти пришла новая администрация, было заявлено, что впредь к терроризму будут относиться серьезно, Государственный секретарь А. Хейг обвинил Советский Союз в «подготовке, финансировании и оснащении» международных террористов. Терроризм стал предметом изучения в Сенате.

Можно было бы предположить, что перемена настроения заставит серьезных журналистов энергично пуститься по манящему следу, которым они так долго пренебрегали. Судебные отчеты, газетные интервью, полицейские документы доброй полдюжины стран, опубликованные биографии признанных террористов, свидетельства ряда перебежчиков — ни

в чем не было недостатка. Будь такое количество источников во время Уотергейта, мы бы никогда не услышали о Бобе Вудворде и Карле Бернштейне. Полная картина была воссоздана в полторы недели каким-нибудь внештатным сотрудником Ассошиэтед Пресс.

Однако реакция нашей ведущей газеты «Нью-Йорк Таймс» оказалась совсем не такой. Филип Таубман на первой полосе номера от 3 мая критиковал А.Хейга за то, что тот «не дал определения терроризма» и не привел никаких доказательств советской причастности к нему. Таубман писал, что ЦРУ, получив задание своего директора Уильяма Кейси составить обзор того, что нам известно о терроризме, оказалось не в состоянии с первой попытки собрать доказательства в поддержку обвинения, выдвинутого Хейгом. Таубман оснастил свою статью цитатами из специалистов, критиковавших А. Хейга за «бездоказательность» его заявления.

5 мая Том Вайкер писал в своей колонке в «Нью-Йорк Таймс», что сенатские слушания по терроризму под председательством сенатора Иеремии Дентона из Алабамы вызвали у него «тошнотворное чувство», напомнив 50-е годы и эпоху Джозефа МакКарти. 20 апреля конгрессмен Дон Эдвардс (демократ из Калифорнии) в письме в редакцию «Уолл Стрит Джорнал» выразил обиду по поводу положительной рецензии газеты на книгу Стерлинг и критиковал внешнюю политику администрации Рейгена как упростиТЕЛЬскую, одностороннюю, пренебрегающую «местыми экономическими, религиозными, политическими и историческими бедами угнетенных стран». Мы не должны забывать, добавлял Эдвардс, советских обвинений по поводу американской поддержки правых террористов в Чили, Сальвадоре, Корее и Израиле. Терроризм исчезнет, когда будут урегулированы «политические проблемы» в таких местах, как Северная Ирландия, Ближний Восток и Пуэрто-Рико.

Но это были умеренные отклики на книгу Стерлинг. Александр Кокберн и Джеймс Риджудей в «Вилладж Войс» предприняли уже более серьезное нападение, обвинив Стерлинг и некоторых других авторов в «намеренном искажении действительности». О Стерлинг говорилось, как об одном из «известных толкователей» проблемы «терроризма». Заметьте использование кавычек. Кокберн и Риджудей, подобно многим другим авторам левого направления, постоянно ссылаются на «терроризм» и никогда — просто на терроризм. Цель, оче-

видно, — показать, что терроризм в действительности не существует или существует в формах, отличных от описанных Стерлинг. Я с готовностью признаю трудность определения термина и классификации различных способов использования террора как справа, так и слева, как правительствами, так и заговорщиками. Однако трудно понять, почему террористические акты надо именовать как-то по-другому, когда *сами террористы* называют свою деятельность террористической и пишут о достоинствах террора. Позвольте процитировать имеющий широкое хождение подпольный учебник террористов — «Карманный учебник городских партизан» Карлоса Миригеллы: «Терроризм есть оружие, от которого революционер никогда не может отказаться».

Но наиболее примечательная рецензия на книгу принадлежит Арье Нейеру в «Нэйшен» (Нейер — бывший директор Американского союза гражданских свобод). Нейер отрицает главную мысль книги Стерлинг о причастности Советского Союза к террористической деятельности, заявляя, что Стерлинг «ничего не приводит» в поддержку своих обвинений кроме «фантазий».

Как я надеюсь показать, это обвинение находится в таком вопиющем противоречии с фактами, что рецензия Нейера может рассматриваться как образец намеренного искажения сути рецензируемой книги. Вместо того, чтобы обратиться к фактическим доводам Стерлинг и либо подвергнуть критике свидетельства, на которые она ссылается, либо предложить свое толкование этих свидетельств, Нейер прибегает к дискуссионным уловкам, которые могут подействовать только на того, кто не читал книгу и кто очень хочет верить в то, что книга неправдива. Он обвиняет Стерлинг в дурном стиле и в подтверждение этого приводит список из 39 эпитетов, употребление которых в книге вызывает у него раздражение. (Для любопытных: Нейер считает неправильным называть виллу «великолепной», определять конфронтацию как «имеющую важное значение» или называть смерть «загадочной».)

Однако, когда дело доходит до источников, на которые ссылается Стерлинг, Нейер прибегает (догадайтесь, к чему?) к эпитетам. От работ Брайана Крозье, Роберта Мосса, Джона Бэррона и Майкла Ледина, не вдаваясь в подробности, Нейер отмахивается одной фразой — они, т.е. эти авторы, являются «апостолами новой холодной войны». Немного труднее отмахнуться от свидетельств чехословацкого гене-

рала Яна Сейны, занимавшего до перехода на Запад высокий военный пост, подтвердившего многие утверждения Стерлинг. Что Нейер, однако, может сделать и делает, это выразить недоверие к чешскому генералу, который, мол, перешел на Запад в 1968 году, а доказательства советской причастности к тренировочным лагерям для террористов предъявил много времени спустя. (Вообразите, что бы написал Нейер, если бы Сейна сделал свои заявления в 1968 году, только что прибыв из Праги. Тогда это была бы ухмылка вроде такой — Сейна в нетерпении выложить свои обвинения ринулся в газеты с...)

Если оставить в стороне список эпитетов и грубые личные нападки, суть приема Нейера состоит в том, чтобы создать, так сказать, чучело, а потом с этим же чучелом и расправиться. Вот как он подытоживает смысл книги Стерлинг: «Все дело рук Советского Союза. Советы направляют каждый выстрел». Это явно отличается от того, что она действительно говорит. Ее выводы лучше всего просуммировать ее собственными словами: «В действительности, Советский Союз выложил на стол заряженный пистолет; желающие могут им воспользоваться». Нет, Кремль не участвует непосредственно в каждом выстреле, но, обучая и оснащая террористов, он им предоставляет возможность стрелять.

* * *

Так как Нейер до неузнаваемости искажает доводы Стерлинг, важно выяснить, что именно она утверждает и что Запад так долго отрицал. Можно говорить о советском участии в больших масштабах — от открытия границ стран-сателлитов для подозреваемых террористов до руководства из некоего центрального штаба каждым захватом самолета, взрывом и похищением. Стерлинг не защищает версию «тайного руководства из Москвы» мировым терроризмом; она только утверждает, что Москва непосредственно или через таких своих клиентов, как Куба и Национальный фронт освобождения Палестины, обеспечивает оружие, подготовку, убежища и вводит в курс дела широкую сеть разбросанных, но выступающих все более и более координированно террористических групп.

Этот аспект спора напоминает мне давние споры о мафии. Вы могли легко доказать ее несуществование при помощи

простого рассуждения: то, что понимается под мафией, является преступной, широко распространившейся организацией с центральным руководством, такой, как, скажем, Америкэн Телефон энд Телеграф Компани. Так как было смешно предположить, что такая организация существует и вместе с тем нет никаких доказательств ее существования, делался вывод — мафии как таковой нет, это миф, плод воспаленного воображения полиции. Такое направление рассуждений и споров избавляло от необходимости расследования и установления того, что определенные группы преступников в определенных местах способны с помощью политической коррупции, физических угроз и семейных связей создавать и сохранять для определенных ограниченных целей средние по размеру преступные организации, связанные с другими подобными организациями в других местах. Как показывают многочисленные расследования и судебные документы, организованная преступность в такой форме является весьма реальным фактом.

Можно с сочувствием относиться к страху перед нашей внутренней охотой за ведьмами. Я довольно хорошо помню времена МакКарти, это был плачевный эпизод. Но вряд ли кто-либо — и, конечно, не Клэр Стерлинг или Госсекретарь Хейг — ратует за нечто подобное. Они говорят о *международном* терроризме и поддержке, которую он получает от Советского Союза и его сателлитов, и считают, что мы должны относиться к этому серьезнее, чем делали это прежде. Директор ФБР Уильям Вебстер четко заявил, что он не просит «спустить с поводка» его организацию и он также не считает, что в настоящее время существуют проблемы внутренней безопасности в нашей стране.

Но если ни один ответственный человек не выдвигает гипотезы «тайного руководства Москвы» и не предлагает похода против отечественных диссидентов, почему ведущая газета, председатель подкомитета Конгресса, известный обозреватель и представитель групп борьбы за гражданские права реагируют с таким недоверием и отвращением на утверждение о том, что преступное соучастие Советского Союза в терроризме привело к последствиям (в человеческих жизнях и крови), выходящим далеко за пределы того, что могло бы быть результатом выражения исключительно внутренних «местных трений»?

Мне кажется, что здесь мы вновь сталкиваемся с двойным

стандартом в политической морали. Такой двойной стандарт ни в коем случае не является монополией либералов — я помню вполне респектабельных в других отношениях южных консерваторов, отрицающих наличие в Ку-Клукс-Клане организованного террористического компонента, и умных в других случаях правительственных чиновников, рассматривающих свидетельства массового истребления евреев нацистами с заученным скептицизмом. Однако в данном случае двойной стандарт применяется исключительно либералами.

Клэр Стерлинг начинает свою книгу с признания того, что двойной стандарт оказал влияние на ее собственное сознание, и она пишет о переоценке такого подхода: «Мне было бы легче писать о черных (т.е. фашистских) террористах, это всегда добродетельное и сегодня вновь исключительно важное занятие. Я не чувствовала себя добродетельной, когда писала о левых красных террористах, это печально». Причина этой печали понятна: «Немногие из нас, людей моего поколения и наших детей, могут легко освободиться от веры в то, что левые — это всегда и обязательно хорошо. Это чувство особенно остро в ситуациях, когда правые — очевидно плохо». Книга кончается тем, с чего и начинается, — утверждением того, что не существует хороших или плохих убийц, есть просто убийцы.

Книга легко читается фраза за фразой, однако нелегко схватывается целиком. В ней много повторений, материал плохо организован, подчас ощущается недостаток ясности, которую читатель вправе ожидать от юридической справки или формального обвинения. Тем не менее она абсолютно убедительна. Сами повторения по мере того, как разворачиваются события и тайное становится явным, как бы отражают борьбу автора за овладение материалом, разрозненными частицами доказательств, как они вырисовываются сквозь кровавый туман убийств и побоищ. Книга не построена как формальное обвинительное заключение, поэтому те, кто целиком отвергает основную идею книги, вполне могут найти повод отмахнуться от нее, как от собрания слухов и предположений. Но это будет большой ошибкой.

* * *

Предположим, что вы не признаете гипотезу советского прямого или косвенного — через страны-сателлиты — соуча-

ствия в террористической деятельности. Предположим также, что вы скептически настроены по отношению к ссылкам на не названные «западные разведовательные источники». Вам все равно придется объяснить либо опровергнуть следующие факты:

— Когда богатый итальянский издатель и финансовый покровитель красного подполья Джанджакомо Фелтринелли был убит взрывом бомбы, которую он пытался прикрепить к столбу линии высокого напряжения вблизи Милана, полиция обнаружила у него фальшивый паспорт, из которого явствовало, что под вымышленным именем Фелтринелли совершил по меньшей мере 22 поездки в Чехословакию.

— Когда генерал Ян Сейна, военный советник Центрального Комитета Чехословацкой Коммунистической партии, в 1968 году перешел на Запад, он предоставил список тридцати итальянцев, среди которых был и Фелтринелли, прошедших подготовку в школе КГБ для террористов в Карловых Варах.

— После того, как итальянская полиция начала разгром Красных Бригад, один из ее главарей Патрицио Печи «раскололся» и сообщил, что члены Красных Бригад в течение всех 70-х годов проходили подготовку в тренировочных школах в Чехословакии и получали оружие из Праги, переправляемое через Венгрию и Австрию.

— Когда израильская полиция арестовала голландскую террористку Людвину Янсен, она призналась, что проходила тренировку под руководством кубинцев в лагерях в Южном Йемене, советском сателлите, и что в этих лагерях проходили подготовку также члены Переходного Крыла ИРА, Немецких Революционных Ячеек и других террористических групп из Японии, Латинской Америки и Ближнего Востока. Все это позже было подтверждено немецким террористом-перебежчиком, который сам был инструктором в лагере в Адене.

— Когда ирландский флот захватил в 1973 году пароход «Клаудиа», на нем оказался груз оружия, изготовленного в странах советского блока и предназначенного для ИРА, груз сопровождал член ИРА. Четыре года спустя вблизи Антверпена было захвачено еще одно судно — «Гауерстрим», также нагруженное оружием из стран советского блока, предназначенным для ИРА. В 1971 году голландская полиция захватила в аэропорту Скифол груз чешского оружия, закупленного ИРА на военном заводе Омнипол в Праге. Член ИРА

рассказал позже, что они закупали это оружие по иллюстрированному каталогу, выданному им в Праге.

— Когда Виктор Сахаров бежал из КГБ, он описал свое обучение в лагерях Южного Йемена. Его готовили для работы в Кувейте по планированию террористических мероприятий в арабских странах и Турции.

— Несколько десятков фedaинов, арестованных в Израиле, признались израильской полиции, а позже корреспонденту Канадской Радиовещательной Корпорации в том, что они проходили тренировку в советских лагерях, расположенных у Черного моря.

— Тренировочные лагеря для террористов в Йемене и Ливии были укомплектованы кубинскими инструкторами много позже того, как Куба стала полностью зависимой от Советского Союза и ее разведка стала придатком советского КГБ.

* * *

В свете всего сказанного, несколько трудно понять, почему заявление Государственного секретаря Александра Хейга о советской причастности к терроризму вызвало такое неодобрение журналистов. Вообразите реакцию прессы, если бы обнаружили сравнимые факты американской причастности к террористической — или даже *антитеррористической* — деятельности в Латинской Америке. Где бы еще искали доказательства, если бы обнаружилось, скажем, что Уильям Бакли Младший путешествовал в Чили с фальшивым паспортом; если бы перебежчик сообщил, что он изучал тактику террора в южно-африканском тренировочном лагере, укомплектованном пуэрториканскими инструкторами; или если бы панамское судно, груженное американским оружием, было перехвачено по пути к партизанам, действующим против сандинистского правительства в Никарагуа.

Давайте внесем ясность относительно того, что мы действительно не знаем. Мы не знаем, в какой степени Советский Союз руководит, если руководит вообще, любой террористической организацией. Москва, похоже, пользуется сильным влиянием на Народный Фронт Освобождения Палестины, но в гораздо меньшей степени может влиять на другие фракции внутри Организации Освобождения Палестины (ООП). Большая часть средств для большинства террористических групп,

возможно, идет не от Советского Союза, а от богатых арабских стран или добывается уголовным путем.

Более того, активизировался терроризм правого толка: были произведены взрывы во французской синагоге, на железнодорожной станции в Италии и на фестивале в Германии. Это была работа различных фашистских групп. Необходимо осуждать террор независимо от того, кто его совершает. Но то, что выдает себя за интеллектуальную дискуссию по этому вопросу, похоже, исключает сегодня такую возможность. Вместо выработки определения терроризма и начала действий против всех его отвратительных проявлений мы находимся в ловушке известной риторической тактики, когда выдвинутое обвинение снимается встречным обвинением. Ключом к такой тактике является резвость и легкость, с которыми используется фраза: «А как насчет...?» — и далее следует обвинение в некоей жестокости или промахе, якобы совершенными вашим оппонентом:

«Советский Союз уничтожил своих собственных граждан в ГУЛаге».

— *А как насчет* индейцев в Вундед Ни?

«Активисты ИРА убивают невинных людей в Белфасте».

— *А как насчет* пыток Джакобо Тимермана аргентинской полицией?

«Советский Союз поддерживает международный терроризм».

— *А как насчет* ЦРУ в Чили?

Тактика эта не ограничивается только сферой заграничных дел. Когда я выступаю перед студенческой аудиторией о проблемах городской преступности, первое возражение, как правило, — «*А как насчет* загрязнения окружающей среды?» (или — негодной конструкции автомобиля Пинтос, или заема Локхиду, или Уотергейта).

Цель такой тактики, очевидно, — уйти от обсуждения проблемы при помощи подмены предмета обсуждения да еще с намеком на аморальность оппонента. Поскольку в мире всегда существует больше чем одно зло, этот метод означает, что никогда не может обсуждаться одно отдельно взятое зло без одновременного обязательного обсуждения всех других мировых зол. Более того, способ «А как насчет...?» подразумевает, что контрпроблема абсолютно аналогична первоначально поставленной и, следовательно, невозможно между

ними установить различие. Так, суть любого разумного обсуждения состоит в желании и умении установить полезные различия, тактика же «А как насчет...?» делает дискуссию невозможной.

Особенно прискорбным, но отнюдь не необычным, примером такого рода интеллектуальной дымовой завесы является рецензия на книгу Стерлинг Джонатана Маршалла. В статье в «Инквайере» Маршалл утверждает, что Израиль в такой же степени находится на иждивении США, в какой находится Куба на иждивении СССР. Утвердив как бы полную аналогичность ситуаций, Маршалл смело может обвинять Стерлинг в двойном стандарте — не осуждает же она Израиль, этот американский «суррогат», за «постоянное применение терроризма».

Я никогда не думал, что чья-либо способность отличать вещи друг от друга может атрофироваться до уровня, когда человек не в состоянии увидеть разницу между этими двумя случаями. СССР контролирует кубинскую разведку; самое большее, что могут делать американцы, — это завидовать Моссаду. Израиль — свободная страна со свободным существованием оппозиции; Куба — закрытое общество с оппозицией, заключенной в тюрьму или выпихнутой в эмиграцию. Кубинские инструкторы обучают террористов из многих стран науке убивать и отнюдь не для того, чтобы защищать Кубу, но с целью «дестабилизировать» весь остальной мир; Израиль предпринимает меры против тех, кто на него нападает. К сожалению, нет простых правил для оценки действий осажденной демократии, и без сомнения некоторые действия Израиля заслуживают осуждения, однако не нужно большого ума, чтобы отличить Израиль от Кубы, тоталитарного режима, полностью запродавшего империалистическому СССР.

* * *

Теперь давайте выберемся из чащи риторических уловок и предложим определение терроризма. Я хочу взять определение, принятое на Конференции по международному терроризму в Иерусалиме в 1979 году. И хотя возможны улучшения этого определения, я начну с него: терроризм является обдуманном, преднамеренным, систематическим убийством, нанесением увечий и угрозами невинным людям с целью вну-

шения им страха для достижения политических целей. Каковы бы ни были недостатки этого определения, оно по крайней мере позволяет отличить чистый терроризм (беспорядочные убийства в Турции, например) от партизанской войны, направленной против политической или военной силы оккупантов. Оно также позволяет различать между насилием, применяемым для разрушения специфического политического или военного порядка, и насилием, цель которого — сделать невозможным поддержание вообще какой-либо формы порядка под каким-либо руководством. Далее, по этому определению любое убийство должно оцениваться в соответствии со степенью доступности других, менее насильственных средств для достижения политических целей. Если террор практикуется в обществе со свободными выборами, открытыми судами и узаконенной оппозицией, это гораздо более презренно, чем когда террор, даже определенный как убийство невинных людей, используется в обществе, где не существует других средств добиваться перемен.

Такое определение приложимо как к левому террору, так и к правому, как к правительственному террору, так и к террору со стороны тех, кто выступает против правительства. У этого определения есть, однако, один недостаток. Это — утверждение, что существуют «политические цели», к достижению которых якобы стремится террор. Иногда такие цели действительно существуют: цели террора в Советском Союзе или в нацистской Германии были довольно просты — удержание главариами власти. Но часто целей вовсе нет. Что кроме пустых общих мест содержится в политических программах ИРА или Красных Бригад? Для большинства их членов целью терроризма является терроризм. Современный террорист обращается к террору не как к последнему средству, а как к предпочтительному методу. Как писал Пол Джонсон, террорист ставит насилие выше всех других форм политической деятельности. Это в свою очередь ведет к подавлению естественных нравственных инстинктов, так что становится трудно, если вообще возможно, определить, являются ли члены таких групп политическими фанатиками или убийцами-психопатами. Превращение насилия в рутинное занятие, сплав страстно верующего человека и кровожадного убийцы ведут к последнему, полному горькой иронии итогу. Как подчеркивает Джонсон, терроризм способствует распространению режимов тоталитарного типа.

Не всякое политическое насилие заслуживает называться терроризмом, но терроризма в современном мире достаточно, и диву даешься, почему некоторые из нас изо всех сил стараются подобрать для него другое название. Излюбленный интеллектуальный прием — вернуть, что, мол, для одного человека — террорист, для другого — герой. Будто невозможно отличить террориста от героя. Такой вид нравственного релятивизма в приложении к обычной стрельбе исключает возможность опознать обычного уловника. Неужели кто-то действительно считает особо полезным или по крайней мере приличным утверждать, что убийца может почитаться героем и образцом для подражания?

Мы более склонны путать террориста с героем, чем психопата-убийцу с нормальным человеком по той простой причине, что террорист выдвигает политический мотив. А мы склонны принимать политические оправдания поступков, которые в другом случае оправдания не имеют. Такое поведение могло бы быть если не убедительным, то хотя бы оправданным, если бы мы с должным вниманием исследовали выдвигаемые политические оправдания, но обычно мы этого не делаем. Мы просто регистрируем, что человек, используя подходящие обрывки нашумевшей идеологии, выдвигает политический мотив, и полагаем, что это должно означать наличие некоего обоснованного политического плана, который, будь на то только время и средства, мы можем обнаружить. На деле же больше шуму, чем сути.

Вот пример — Переходное крыло ИРА. Недавние самоубийства с целью добиться статуса политических заключенных — *ни один из них*, конечно, не был посажен за политические взгляды, все сидят за нарушения уголовных законов — заставили многих американцев предположить, что члены этой организации действительно выдвигают политические требования и, следовательно, существует, по крайней мере в принципе, «политическое решение» проблемы. Некоторые наблюдатели могут даже подумать, что выдвигаются требования ухода Англии из Северной Ирландии, или расширения прав для католиков, или объединения страны.

Но послушайте их самих: «Мы не хотим делить власть, в этом нет будущего». ИРА противопоставляет себя законно избранному демократическому правительству Ирландии точно так же, как и протестантским лидерам Севера или британской армии. Они хотят заменить «демократической социа-

листической республикой» не только руководителей Ольстера, но и «квислинговский режим» Ирландии вообще. Все существующие правительства на Севере и на Юге должны быть «уничтожены». Именно потому, что они говорят на этом языке, им удастся получать деньги из Ливии и оружие из Чехословакии. Если вы их попросите более ясно объяснить, что они хотят, вы вряд ли получите ответ.

* * *

Есть, по существу, два подхода к проблеме терроризма. Первый заключается в предположении, что террористы являются крайним выражением протеста против социальной несправедливости и политического напряжения. Чтобы справиться с терроризмом, надо в первую очередь обратиться к причинам, его вызывающим. Такой взгляд справедлив наполовину: терроризм редко может долго продержаться там, где нет свободы и справедливости. Ошибкой в таком рассуждении является предположение, что если заняться причинами, то крайние симптомы якобы исчезнут сами по себе.

Ошибкой это является потому, что при этом упускается из виду другой путь рассуждения, так ясно изложенный Клэр Стерлинг. Каковы бы ни были коренные причины, вызывающие терроризм и взращивающие его подпольную культуру, террористы очень быстро и неизбежно вырабатывают свою собственную платформу, которая заключается в том, чтобы вообще *препятствовать разрешению проблем*. Они будут заключать любые выгодные им союзы (в том числе и с обычными уголовниками и маньяками-убийцами), будут делать все, что в их силах, чтобы предотвратить любое «политическое решение», кроме одного — разрушения самого государства. Они, следовательно, будут направлять свои атаки против групп, добивающихся конструктивных перемен. Красные Бригады ведь убили Альдо Моро, умеренного либерала, а не какого-нибудь монархического фанатика. Цель истинного террориста — не ускорять прогресс, а провоцировать фашистскую реакцию. Когда размышляешь о терроризме, наблюдения показывают, что на Западе после десятилетних попыток и бесконечного кровопролития он в конечном итоге терпит провал.

Очень важно установить и признать поддержку СССР террористической деятельности. Важно не потому, что это оста-

новит их (может быть, они уже и прекратили свою поддержку), и не потому, что знание фактов советского участия в терроризме облегчит борьбу с ним с точки зрения юридической. Факты советского участия помогают раскрыть природу самого явления терроризма и заставляют нас быть начеку относительно допущения, что терроризм — естественный продукт социального неравенства. Если мы будем судить о качестве общества или режима по объему направленных против него террористических акций, каковая тенденция существует, считая, что уровень насилия определяет степень несправедливости в обществе, мы можем совершить очень большую ошибку. Потому что в той степени, в которой другие страны поощряют и поддерживают терроризм, зависимость между несправедливостью и уровнем насилия в демократическом обществе, в противном случае, возможно, — естественная, искажается. До тех пор, пока мы будем считать терроризм естественным, или неизбежным, или оправданным некими причинами, мы не будем подготовлены к тому, что фактически происходит. Когда Западная Германия достаточно очнулась, она оказалась в состоянии разгромить банды Баадер-Майнхоф, не разрушая германскую демократию. После убийства Альдо Моро итальянская полиция сломала хребет Красным Бригадам. Общество не переменялось, терроризм отступил.

К сожалению, не всякая сказка имеет счастливый конец. Террористы «тупомарос» не смогли захватить власть в Уругвае, но смогли разрушить то, что когда-то было образцом латиноамериканской демократии. Испанские террористы пытаются блокировать первые осторожные, обнадеживающие, но не доведенные до конца шаги этой страны на пути возвращения к демократии. В Турции террористы вызвали военный переворот. Испания и Турция проходят серьезные испытания, и мы можем только надеяться, что их не постигнет судьба Уругвая.

СОЛЖЕНИЦЫН И ЛИНКОЛЬН: ДВА «АНТИАМЕРИКАНЦА»

Джордж Ф. Уилл

Критики и высокоученые хулители Александра Солженицына, утверждающие, что ему чужд американизм, гораздо ближе к истине, чем они сами представляют. Солженицын заявляет, что в фундамент нашего общества при его основании была заложена ошибка. Это утверждение я и хотел бы проанализировать.

Большая пресса уверяла, что Солженицыну чужд опыт Запада. Мне это представляется спорным. Опыт Запада более богат и разнообразен, чем это иногда кажется нашей большой прессе.

По словам Солженицына, мы живем на проценты с интеллектуального и духовного капитала, нажитого в более ранние, суровые века, и мы не приумножаем этот капитал. В упрек ему можно поставить, если быть предельно кратким, одно: страстность суждений. Этим он наделен в избытке. И вполне можно понять вызываемые его страстными суждениями страстные возражения. От Северной Ирландии до южного Ливана, от Хомейни до Каддафи люди и политические движения дискредитируют веру в трансцендентность. Думаю, что самыми точными для двадцатого века являются строки из стихотворения Йитса «Второе пришествие»:

У лучших веры нет,

А худшие кипят безмерной страстью.

От этой мысли несложен переход к идее о том, что отсутствие убеждений есть само по себе добродетель, а безмерная страсть заведомо порочна. Эта странная мысль восходит к тому же Йитсу, который рождественским утром 1916 года об-

наружил в бурных, пронизанных страстями событиях, очевидцем которых ему довелось быть в Дублине, «ужасную прелесть». Но в неверной посылке йитсовского утверждения схвачен импульс и дефект американизма — страстное желание устранить страстность, уподобить индивидуумов — и все сборища индивидуумов — гальке, омываемой великой рекой истории, сглаживаемой и потому в некотором роде лишенной индивидуальности.

Для понимания Америки важно осознать, что она была основана людьми, сознательно стремившимися к укрощению и подавлению страстности, к ее растворению в коммерческих начинаниях, к отходу от идеологических, религиозных и политических распрей, превративших Старый Свет в бурлящий котел и способных разрушить «плавильный тигель». Великим достижением президента Джеймса Мэдисона в понимании демократии было осознание им ошибочной трактовки ее всеми предыдущими политическими мыслителями. *Все* они полагали, что если демократия вообще осуществима, то только в открытых небольших обществах типа перикловых Афин или Женевы Руссо; в таком обществе, где все люди знают друг друга и где между ними существуют отношения добрососедства, не будет разделения на враждующие фракции, которые, как считалось, являются врагом и конечным губителем демократии.

Заслуга Мэдисона заключалась в том, что он поставил эту идею с ног на голову. Мысль его развивалась следующим образом: проблема любой политической власти заключается в предотвращении тирании; тирания, жертвой которой является демократия, есть тирания большинства; чтобы воспрепятствовать этому, необходимо избегать образования большинства и иметь лишь меняющиеся коалиции меньшинств, которые никогда не станут стабильным и подавляющим большинством. Поэтому да будут восславлены фракции и Соединенные Штаты добьются процветания благодаря именно спасительному множеству фракций. Их существование станет возможным при наличии сложной экономической системы и при освоении континента. Не случайно, что при созыве первого конгресса, когда 80 процентов из трех миллионов свободных американцев жили в пределах двадцатимильной атлантической прибрежной полосы, первые конгрессмены с неимоверной помпой нарекли его «Континентальным конгрессом». Они знали, в каком направлении двигаться: для

краткости — в Калифорнию. Они жаждали пространства и сложности ради спасительного многообразия фракций.

Сжатое изложение американской политической мысли, занимающее две коротких газетных колонки, можно найти в двух федералистских газетах — «Намбер Тен», где Мэдисон возносит хвалу фракциям, и «Намбер Фифти Уан», где он утверждает следующее: *«Во всей нашей системе заметен процесс умаления благородных побуждений противостоящими и противоборствующими силами»*. Мы являемся первой страной, основанной на принципе, согласно которому мы способны обойтись без людей с благородными побуждениями, без людей с общественным темпераментом; страной, верящей, что из пестрой путаницы фракций выкристаллизуется нечто, что одним великолепным возгласом априори можно будет окрестить «общественным интересом». Это напоминает теорию управления Кузинара. И это значительно упрощает проблему политики.

Подобный взгляд отвергает древнюю теорию естественного права, составляющую часть западной традиции, приверженцем которой решительно объявляет себя Солженицын. Эта древняя теория провозглашала, что определенный образ жизни является правильным в силу человеческой природы и что функция законов заключается в том, чтобы подвигать людей к такому образу жизни. Теория гласила, что мужчины и женщины суть биологические сущности, тогда как способность граждан к самоуправлению есть искусственный продукт социальных условий. Эта доктрина с предельной ясностью изложена в Платоновском «Крито»: друзья приходят к Сократу и говорят ему: «Беги из Афин, мы все устроим», на что Сократ отвечает: «Не могу, это все равно, что предать родителей, а афинские законы — мои родители». Приверженцем этой же традиции является и Александр Солженицын.

Современная теория естественного права совершенно иная. Она гласит, что человек имеет естественное право — и это право распространяется на всех людей — на удовлетворение своих самых сильных страстей и желаний. По поводу того, каковы эти желания, мнения расходились. Гоббс, который, по моему мнению, является отцом современного либерализма, считал, что это желание славы и безопасности. По мнению других, это — стремление к наслаждению и желание не подвергаться боли.

Если политика в самом деле является полем действия не-

многих предсказуемых сил, то в таком случае социальный контроль (а не ведение людей к лучшей жизни) в чрезвычайной степени упрощается. Цель государства в соответствии с этими нынешними политическими воззрениями заключается просто-напросто в охране личности и собственности. Государство безразлично к убеждениям или во всяком случае претендует на такое безразличие. Оно уверено, что твердые убеждения вредоносны и опасны для общественного здоровья. Эту философию как нельзя лучше сформулировал Томас Джефферсон, заметивший в связи с вопросом о веротерпимости: «Если это вопрос, не связанный с моим кошельком и моим физическим здоровьем, то в таком случае государству он должен быть безразличен». Идеалом представляется создание кротких и мирных обществ, в которых страстная природа человека была бы сублимирована и направлена в русло коммерции — на цели приобретения и расходования.

Два столетия назад Дж. Кревекер, поселившийся у нас иностранец, дивился религиозному многообразию Соединенных Штатов. В письме, адресованном друзьям в Европу, он описывал основные устремления Американской республики:

Представьте, что вы и я отправились путешествовать и вот набрали на этот дом справа, в котором живет католик, возносящий молитвы Богу по заветам отцов и верящий в трансубстанциацию; он трудится и выращивает пшеницу, у него большая семья и много крепких здоровых детей; его верования и молитвы никого не оскорбляют.

На расстоянии одной мили по той же дороге живет его ближайший сосед, честный и добропорядочный немец-лютеранин, который молится тому же Богу, всеобщему Богу, молится, как его учили, и верит в консубстанциацию; поступая таким образом, он никого не скандализирует; он также обрабатывает свои поля, украшает землю, расчищает болота и т.д. Какое дело миру до его лютеранских принципов?..

По соседству с ним живет раскольник, фанатичнейший из еретиков; он полон религиозного пыла, но, будучи отделен от своих единомышленников, он не имеет аудитории, к которой мог бы обращаться и где мог бы плести заговоры и проявлять свою религиозную гордыню и вселенское упрямство. И он в свою очередь выращивает хорошие урожаи, у него красивый дом и один из лучших садов в округе. Какое отношение к благо-

состоянию страны или провинции имеют религиозные чувства этого человека или отсутствие таковых?...

Другим его соседом является голландец, строго соблюдающий правила, установленные синодом в Дорте. К священнику он относится, как к наемному работнику: если тот работает хорошо, он заплатит ему условленную сумму, если нет — даст ему расчет и будет обходиться без его проповедей и годами держать церковь на замке. Но, несмотря на подобное грубое обращение, вы можете убедиться, что его дом и ферма — одни из лучших в округе; по его фургону и откормленным лошадям вы сможете удостовериться, что его больше интересуют дела на этом, а не на том свете. Он трезвый и трудолюбивый человек, и потому он по всем статьям подходит для дел на этом свете; что же касается того света, то он должен довериться великому Творцу.

Каждый из этих людей воспитывает своих детей наилучшим образом, но это воспитание слабейшее по сравнению с тем, которое получают дети самых неимущих классов в Европе. По этой причине их дети вырастут менее фанатичными и более равнодушными к вопросам религии, чем их родители. Дурацкое тщеславие или, вернее, неистовство прозелитизма здесь неизвестно; у них нет времени, сезонные работы требуют полного внимания, и таким образом через несколько лет эта смешанная община будет являть собой странную религиозную смесь и не будет ни чисто католической, ни чисто кальвинистской. Уже в первом поколении станет заметным весьма ощутимое безразличие, и может случиться так, что дочь католика выйдет замуж за сына раскольника и что они поселятся вдали от родителей. Какое же религиозное образование дадут они своим детям? Весьма несовершенное. Коль скоро в окрестности будет какой-нибудь молебельный дом, по нашему разумению — собрание квакеров, они будут его посещать, чтобы не упустить случая покрасоваться в своем нарядном платье, а некоторые из них, возможно, присоединятся к этому обществу. Прочие будут пребывать в состоянии совершенного безразличия; дети этих страстно верующих родителей не будут знать, каковы их религиозные принципы, а их внуки — в еще меньшей степени.

(«Письма американского фермера», 1968, стр. 54-56)

В этом отрывке с необычайной, чуть ли не обескураживающей ясностью выражен американский идеал. Солженицын

утверждает, что он недейственен. Он утверждает, что можно сколько угодно стремиться к успокоительному социальному единообразию, но оказывается, что страны с подобным единообразием, подобно восковым фигуркам, плавятся в печи истории. Он утверждает, что искусство государственного управления не может быть сведено только к социальному контролю — до некоторой степени оно должно быть порождением души.

Понятным образом, Солженицына коробят грубые аспекты американской жизни. Не только его одного, и не только американской. Незадолго до своей кончины Джордж Орвелл заметил, что *«все народные развлечения отличаются одной общей чертой — они как бы ставят своей целью притупление сознания»*. (Он произнес эти слова до изобретения подбадривающих наркотиков, и он не был знаком с американским телевидением.) Солженицын понимает, что в сенсорном блицкриге, являющимся частью нашей социальной жизни, есть нечто, внушающее глубокое беспокойство. Он осознает иронию века, в котором самовыражение является последней — а по мнению некоторых и единственной — ценностью и тем не менее все темы современной литературы, по-видимому, сходятся на признании непрочности ощущения собственного «я».

Наилучшим образом Солженицын бросает вызов доктрине американской исключительности — убеждению в том, что раз мы обладаем пространством и спасительным множеством фракций, то фракции могут испепелять свои страсти в коммерции и дружественной конкуренции; и посему великие опасности мира не получают доступа к нам.

Солженицын созвучен в этом одному из величайших американцев. Его мрачные предвидения не мрачнее предвидений Авраама Линкольна. В конце 1858 года Линкольн произнес одну из своих величайших, на мой взгляд, речей. Выступая на ярмарке в штате Висконсин, он свое предсказание мрачного и кровавого будущего заключил рассказом об одном восточном владыке. Этот владыка призвал к себе мудрецов и сказал: «Я желаю, чтобы вы составили для меня фразу, которую можно было бы высечь на площади для всеобщего обозрения и которая была бы вечно истинна». Мудрецы удалились в свои покои, а потом возвратились с такой фразой: «И это пройдет». *«И все же давайте надеяться, что это не совсем верно. Будем же надеяться, что, возделывая и преображая окружающий нас физический мир и совершенствуя наш собственный духов-*

ный мир, мы стоим», — сказал Линкольн. Соединенные Штаты, как в этом может убедиться Солженицын, продемонстрировали чудеса в деле преображения физического мира; они были менее энергичны — и он также в состоянии это заметить — в совершенствовании нашего внутреннего, духовного мира.

В этом смысле Солженицын столь же чужд американизму, как и Линкольн, и в то время, когда мы неверным шагом вступаем в одно из самых опасных десятилетий в истории планеты, его появление весьма уместно. Его серьезный голос обращается к людям, несерьезным по самой своей сути. Один уравновешенный и преданный своему делу организатор опросов общественного мнения подсчитал в 1976 году, что 11 процентов избирателей, соблаговоливших явиться на избирательные участки, приняли решение о том, за кого голосовать, за сутки до начала выборов; разумно предположить, заявил он, что половина из них (иными словами, 5 процентов из тех, кто соблаговолил явиться для голосования, — что в значительной степени превысило число голосов, обеспечивших победу на выборах) фактически приняли решение о том, за кого голосовать, по дороге на избирательный участок, барабаня пальцами по своим транзисторам, а возможно, и под записи музыки Вилли Нелсона.

Главная служба, которую Солженицын может сослужить нашей стране, — быть серьезным и поэтому заметным голосом. Он сказал нам, что мы больны, а если его не все внимательно выслушали, то не его в этом вина. В отличной книге «1945: год нулевой» Джон Лукач писал:

История, то есть история человеческого разума, остается непредсказуемой. Так, например, в 1945 году произошло нечто в самом невероятном месте — в сосновых лесах забытой Богом Восточной Пруссии, в окружении руин войны, под ушанкой капитана советской армии, в которую была вмонтирована металлическая красная звезда. Человеческая страстность породила холодную ясность мысли. Со временем она далеко увела этого человека, так далеко, что он отверг всю систему мышления того мира, в котором родился и жил, так, что сами правители той огромной империи начали беспокоиться и опасаться его, тогда как для миллионов других людей он стал новым явлением — Светом с Востока. Поистине, одно событие в одной голове способно изменить мир. Оно спо-

собно даже привести — а не просто ускорить — к падению коммунистической системы, что в конечном итоге неизбежно. Если это так, то важнейшим событием 1945 года был не раздел Европы и не заря атомного века, но это внезапное прозрение, это нечто, мелькнувшее в сознании невзрачного советского офицера. Александр Солженицын в лесах и болотах Восточной Пруссии — событие, которое можно сравнить с двумя вспышками двух атомных бомб, которые были лишь эфемерным торжеством техники.

На протяжении двух столетий на род человеческий обрушивались ложные концепции сначала физики, потом биологии, потом психологии, в недавнее время социологии, а ныне биохимии, с помощью каждой из которых нас разными способами старались убедить, что человек не свободен, что он является порождением обширных безличных сил и что отдельные личности не имеют значения. Жизнь Солженицына свидетельствует: *«Это неверно».*

Об авторах

Джин Кирпатрик — постоянный представитель США в ООН, профессор Джорджтаунского университета и научный сотрудник Американского института предпринимательства в Вашингтоне. Статья «Диктатуры и двойной стандарт» была опубликована в журнале «Комментари» в ноябре 1979 года.

* * *

Северин Бялер — профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке и директор Института международных перемен при университете. Автор ряда работ о Советском Союзе, в том числе книги «Наследники Сталина». Статья «Суровое десятилетие: политика СССР в 80-е годы» опубликована в журнале «Форейн Аффэрс» летом 1981 года.

* * *

Ричард Пайпс — сотрудник Совета национальной безопасности США, профессор Гарвардского университета. Известный советолог. С 1968 по 1973 гг. — директор Русского исследовательского центра при Гарвардском университете, в 70-х годах был консультантом правительства США. Книга «Американско-советские отношения в эпоху детанта», из которой перепечатывается статья «Советская глобальная стратегия», издана в 1981 году издательством «Вествью Пресс» в Колорадо.

* * *

Джеймс К. Уилсон, — профессор Гарвардского университета. Автор ряда книг, в их числе — «Политические организации» и «Размышляя о преступности». Статья «Размышляя о терроризме» перепечатывается из журнала «Комментари» от июля 1981 года.

* * *

Джордж Ф. Уилл — обозреватель газеты «Вашингтон Пост» и журнала «Ньюсуик», комментатор телевидения. Статья «Солженицын и Линкольн: два «антиамериканца» опубликована в книге «Солженицын и американская демократия», выпущенной Центром этики и общественной политики (Вашингтон) в декабре 1980 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Джин Кирпатрик — Диктатуры и двойной стандарт (<i>Jean Kirkpatrick — Dictatorships and Double Standarts</i>)	3
Северин Бялер — Суровое десятилетие: политика СССР в 80-е годы (<i>Seweryn Bialer — The Harsh Decade: Soviet Policies in the 1980s</i>)	35
Ричард Пайпс — Советская глобальная политика (<i>Richard Pipes — Soviet Global Strategy</i>)	57
Джеймс К. Уилсон — Размышляя о терроризме (<i>James Q. Willson — Thinking About Terrorism</i>)	81
Джордж Ф. Уилл — Солженицын и Линкольн: два «антиамериканца» (<i>George F. Will — Solzhenitsyn: As Un-American as Lincoln</i>)	95

Сборники «Телекс» издаются в обложках трех разных цветов. В СЕРОЙ — *информационные*, с обзорами происходящих в мире событий. «Телексы» в СИНЕЙ обложке состояются из *проблемных, аналитических* статей на актуальные политические темы. «Телексы» в КРАСНОЙ обложке — это сборники *документов*: докладов, заявлений и посланий глав правительств и правительственных ведомств.

Редактор А. СЕРЕБРЕННИКОВ
